

На правах рукописи

СЕРГИЕВА Наталья Станиславовна

**ХРОНОТОП ЖИЗНЕННОГО ПУТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ**

10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва 2009

Работа выполнена в секторе психолингвистики Учреждения Российской Академии наук Института языкознания

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Уфимцева Наталья Владимировна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Васильева Наталия Владимировна

доктор филологических наук, профессор
Красных Виктория Владимировна

доктор филологических наук, профессор
Чулкина Нина Леонидовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО Челябинский государственный
университет

Защита состоится « _____ » _____ 20 г. в _____ часов
на заседании диссертационного совета Д. 002.006.03 по защите диссертаций
на соискание ученой степени доктора наук при Учреждении Российской
Академии наук Институте языкознания по адресу: 125009, г. Москва, Б.
Кисловский пер., д. 1, стр. 1, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания
РАН.

Автореферат разослан « _____ » _____ 20 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А.В. Сидельцев

Общая характеристика работы

В диссертации представлено психолингвистическое исследование пространственно-временной (хронотопической) организации жизненного пути человека как фрагмента образа мира в русском языковом сознании.

Исследование выполняется с позиций психолингвистики, в рамках теории речевой деятельности (Московская психолингвистическая школа). Современная психолингвистика представляет собой область научного знания, предметом которой является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности и языком как главной «образующей» образа мира человека (А.А. Леонтьев).

Целостно и системно упорядоченный и осознанный образ (или картина) мира – это абстракция, образ мира осознается носителями языка лишь частично и фрагментарно. Бессознательные комплексы, формирующие этническую картину мира, не выходят в светлое поле сознания и не имеют внешней формы выражения. По этой причине возможно описание лишь фрагментов образа мира.

Исследование опирается на три базовых понятия, обозначенных в формулировке темы: «языковое сознание», «хронотоп», «жизненный путь», раскрытие которых с неизбежностью приводит к попутному рассмотрению других фундаментальных категорий («сознание», «бессознательное», «культура», «время», «пространство», «память»).

Современная психолингвистика понимает языковое сознание как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 26]. Образы сознания становятся доступными наблюдению лишь в своей внешней и превращенной форме. В качестве овнешнителей образов сознания выступают разнообразные языковые средства (тексты, слова, фразеологизмы, метафоры в широком смысле), большая часть которых имеет культурную специфику. Эти же языковые средства искажают образы сознания в их внешней репрезентации. Этнокультурная специфика образов сознания может выявляться экспериментальными методами, ведущим среди которых является свободный ассоциативный эксперимент.

Пространственно-временной каркас является исходным шагом на пути конструирования образа мира в сознании человека и имеет общую когнитивную базу для любого языка и культуры. Он определяется особенностями психических процессов и может рассматриваться как принадлежащий не только языковому сознанию, но и сознанию вообще. Единство пространственных и временных характеристик для всех форм существования материи является частью современного представления о мироздании.

В человеческой жизни пространственно-временной фактор играет важнейшую роль и представляет одновременно универсальный и социально-

культурный феномен. Сам термин «жизненный путь» имплицитно в своем содержании пространственно-временную грань человеческой жизни

Актуальность исследования обусловлена антропоцентрической ориентированностью современной лингвистической науки, вниманием к человеку как носителю языка, проблемам его «языкового бытия» в определенной национальной культуре, интересом к проблемам языкового сознания и его глубинных структур. Стремление поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках, в свою очередь, требует поиска новых подходов к изучаемому объекту и приводит к расширению сферы интересов лингвистики, ее взаимодействия с другими областями научного знания. В современной науке о языке это проявляется, в частности, и в появлении «сдвоенных» наук, к которым относят психолингвистику, социолингвистику, этнолингвистику, лингвокультурологию и др. Такое взаимодействие позволяет повысить объяснительный потенциал языкознания, обогатить лингвистическую науку новой методологией и методикой. Антропоцентрический подход к языку предполагает понятие культуры как составной части антропоцентрических представлений [Кубрякова 1995: 213].

Новизна исследования определяется тем, что исследование выполняется в рамках этнопсихолингвистики, нового направления, позволяющего исследовать фрагменты образа мира различных этносов не только в межкультурном, но и в интракультурном аспекте.

Впервые проведено теоретическое обоснование пространственно-временной (хронотопической) структуры жизненного пути с позиций психолингвистики, предполагающей сопоставление данных психологии и социальных наук с результатами лингвистического и психолингвистического анализа.

Впервые теоретически обоснованы и выявлены способы (модели) языковой репрезентации данного фрагмента обыденного образа мира в русском языковом сознании, разработана методика установления таких моделей и выбран адекватный языковой материал для осуществления данного анализа.

Впервые при определении этнокультурной специфики единиц языкового сознания и его ядра выделены ключевые единицы языкового сознания и разработана методика выявления таких единиц.

Впервые исследована этнокультурная специфика единиц ядра русского языкового сознания, участвующих в построении хронотопа жизненного пути и их роль в организации данного представления в языковом сознании русских.

В качестве **объекта** исследования выбрана пространственно-временная (хронотопическая) организация жизненного пути человека как носителя русского языкового сознания. **Предметом** исследования является этнокультурная специфика языковых единиц, репрезентирующих хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании

Цель исследования – описание системы базисных представлений о хронологической организации жизненного пути человека, определяющихся на основе языковых данных и обусловленных психологическими и культурными факторами.

Задачи исследования:

- выявить и охарактеризовать систему идей и категорий, значимых для представления хронотопа жизненного пути как фрагмента образа мира в русском языковом сознании;
- рассмотреть структуру ядра языкового сознания, выявить его ключевые единицы;
- исследовать структуру и содержание образов сознания, стоящих за единицами ядра, с помощью которых репрезентируется хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании;
- установить возможные универсальные и культурно обусловленные способы построения моделей жизненного хронотопа в русском языковом сознании;
- выявить ассоциативный и семантический потенциал языковых средств, с помощью которых носители языка обозначают пространственно-временные модели жизненного пути в русском языковом сознании.

Методы исследования. Основным методом, используемым в исследовании, является свободный ассоциативный эксперимент. Помимо него использовались традиционные описательный, сравнительный, элементы количественного метода, метод контекстуального анализа.

Материалом исследования послужили прежде всего словарные статьи ассоциативных словарей русского языка: «Словаря ассоциативных норм русского языка» (САНРЯ), «Русского ассоциативного словаря» (РАС), «Славянского ассоциативного словаря» (САС), русской части «Коми русского ассоциативного словаря» (КРАС), созданного на кафедре русского и общего языкознания Сыктывкарского государственного университета (СыктГУ), а также ассоциативные материалы, опубликованные в научных исследованиях. Для иллюстрации использовались транскрипты спонтанной устной речи, записанной в 1995-2004 гг. в городах Республики Коми студентами СыктГУ. Мы разделяем мнение, что «для построения “наивной” языковой картины мира, адекватно отражающей знания о мире и о языке усредненной языковой личности, нужен другой материал, полученный от самих рядовых носителей языка» [Чулкина 2004: 6].

Теоретическая значимость определяется теоретическим обоснованием этнокультурной специфики содержания образов сознания, что стало возможным благодаря тому, что исследование проведено в этнолингвистической парадигме с опорой на данные смежных наук. Данный подход позволяет интерпретировать это содержание и объяснить его устойчивость на протяжении исторического пути народа.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в создании ассоциативных и

лингвокультурологических словарей, в практике преподавания русского языка как иностранного, общих и специальных курсов по психолингвистике, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, теории перевода. Полученные результаты могут способствовать дальнейшему изучению образа мира различных этносов.

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечивается анализом обширного теоретического материала, связанного с темой диссертации, комплексной методикой анализа, достаточной выборкой экспериментального материала, включающего словарные статьи четырех ассоциативных словарей и материалы спонтанной устной речи.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Образ мира служит человеку средством ориентации в его жизнедеятельности и обусловлен национальной культурой. Этот образ содержит некоторую культурную «сердцевину», единую для всех членов данной общности и фиксируемую в понятии значения. Такая культурная «сердцевина» не является в полной мере фактом сознания, однако она регулирует характер социокультурной активности членов общности.

2. Языковое сознание, сопоставленное с понятием образа мира, исследуется с помощью свободного ассоциативного эксперимента. Данный метод дает возможность исследовать образы сознания, стоящие за словами в данной культуре и обращаться к неосознаваемым компонентам сознания.

3. В структуре языкового сознания выделяется ядро, представляющее собой стабильную и активную по степени интенсивности и объему ассоциативных связей совокупность единиц, в которых концентрируется актуальный для данной этнической культуры вариант образа мира. Единицы ядра языкового сознания могут выступать в качестве опорных при конструировании фрагмента образа мира.

4. Хронотопичность является одной из универсальных характеристик образа мира. Свойствами хронотопа обладают все психические образования, включающие пространственно-временные характеристики, в том числе жизнь отдельного человека.

5. В сложившейся этнопсихолингвистической парадигме исследования анализ языкового материала позволит выявить механизмы, лежащие в основе построения хронотопических моделей жизненного пути, и их культурную обусловленность, сохраняющуюся на протяжении исторического пути народа. Исходным представлением для выделения таких моделей и последующего анализа служит положение об ассоциативной связи слов в сознании человека и соответствующей связи содержания образов сознания.

Апробация работы. По теме исследования опубликованы научные работы в центральных и региональных изданиях общим объемом более 35 печатных листов. Основные положения и результаты работы докладывались на научных конференциях и симпозиумах различных уровней, в том числе «История империй: методологические и историографические проблемы» (Саратов, СГУ, 2002 г.), «Власть, общественность, личность в речевом сознании взрослых и детей современной России: фундаментальные,

социальные, гендерные и возрастные параметры» (Саратов, СГУ, 2002 г.), XXXII Международная филологическая конференция. (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2003 г.), «Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации» (Москва, Ин-т языкознания РАН, 2003 г.), «Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации» (Москва, Ин-т языкознания РАН, 2006 г.), «Актуальные проблемы современной филологии» (Киров, ВятГГУ, 2003 г., 2005 г.), «Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета» (Казань, 2004 г.), Международная научная конференция под эгидой МАПРЯЛ «Национально-культурный компонент в тексте и языке» (Минск, МГЛУ, 2005 г.), «Национальный семиозис (дискурсы идентичности)» (Сыктывкар, КГПИ, 2007 г.), «Языки в современном мире» (Москва, РГСУ, 2007 г.), Международная научная конференция под эгидой МАПРЯЛ «Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития» (Минск, БГМУ, 2007 г.), «Образ России в современном мире» (Москва, Ин-т языкознания РАН, 2008 г.), «Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания (“Коммуникация-2008”)» (Москва, 2008 г.), Международный научный семинар «Язык и сознание» (Москва, Ин-т языкознания РАН, 2005 г.), а также ежегодных научных сессиях Ученого совета «Февральские чтения» Сыктывкарского государственного университета, научных семинарах кафедры русского и общего языкознания СыктГУ.

Структура работы: Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и четырех приложений.

Содержание работы

Во **Введении** определяется объект и предмет исследования, обосновывается актуальность темы диссертации, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, раскрываются цели и задачи, указываются методы исследования и формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Язык, сознание, культура: теоретические и методологические предпосылки исследования» представлены следующие разделы: 1.1. Образ мира как базовое понятие психолингвистической теории; 1.2. Языковое сознание как базовое понятие психолингвистической теории; 1.3. Значение: психолингвистический аспект; 1.4. Этнокультурная специфика языкового сознания; 1.5. Культурное бессознательное и его структура; 1.6. Ассоциативный эксперимент как метод исследования языкового сознания.

В главе рассматриваются базовые для исследования понятия «образ мира», «языковое сознание» и соотносительные - «значение», «сознание», «бессознательное», «культура». Определяются теоретические и

методологические подходы к исследованию языкового сознания и его этнокультурной специфики.

Понятие образа мира, которое активно используется в психологии, психолингвистике и лингвистике, было введено А.Н. Леонтьевым. В его трактовке образ мира целостен и хронотопичен, у него четыре измерения: трехмерное пространство и время (движение) и пятое квазиизмерение представленное в значениях. Психолингвистическую трактовку идея образа мира получила в трудах А.А. Леонтьева, который дает его определение как «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии».

Сохраняя целостность и единство, образ мира, в то же время глубоко дифференцирован. У каждого человека есть индивидуальный **вариант** образа мира. Кроме таких индивидуальных вариантов существует система **инвариантных** образов мира, абстрактных моделей, описывающих общие черты в видении мира различными людьми.

Особое место среди инвариантных образов мира отводится образу мира, соотнесенному с особенностями национальной культуры и национальной психологии. В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Сознание человека всегда этнически обусловлено, при этом имеется в виду не научное, а обыденное сознание, т.е. образ мира в собственном смысле. Этнический образ мира не имеет или почти не имеет адекватного ему абстрактного знания, т.е. этот образ не сознателен и не отрефлектирован (А.А.Леонтьев).

Понятие (этнического) образа мира сближается с понятием этнической картины мира, разрабатываемой в психологической антропологии и этнопсихологии. Разработка образа мира (world-view) в зарубежной антропологии связана с исследованием бессознательных коллективных представлений. Этническая картина мира осознается членами этноса лишь частично и фрагментарно. Фактом сознания является не ее содержание, а ее наличие и целостность. Разрозненные элементы картины мира присутствуют в сознании человека в качестве фрагментов, не вполне стыкующихся между собой, что становится ясным при попытке облечь картину мира в слова.

Подтверждением могут служить материалы ассоциативных словарей. Ассоциативно-вербальная сеть, полученная в массовом эксперименте, очерчивает весьма разнородную, отчасти даже противоречивую совокупность знаний. Целостный и системно упорядоченный образ (или картина мира) – это абстракция, которая «не воплощается ни в индивидуально-личностном знании отдельного носителя, ни в обобщенной сумме знаний речевого коллектива, которому носитель принадлежит» [Караулов 2002а: 755].

Термин «языковое сознание» восходит к В. фон Гумбольдту, активно используется Г.Г. Шпетом, чрезвычайно популярен в современной лингвистике и психолингвистике, других гуманитарных науках. Единого

понимания языкового сознания в современной науке о языке нет, и вряд ли возможно достигнуть такого понимания (работы А.А. Залевской, И.Н. Горелова, В.В. Красных, А.Н. Портнова, А.А. Леонтьева, А.П. Стеценко, Г.В.Ейгера, И.А. Стернина, Т.Н. Ушаковой и др.).

Появление собственно психологических определений сознания относят к концу XIX столетия. В отечественной психологии исследование сознания традиционно связывается с именами Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, М.М. Бахтина, Н.А. Бернштейна, Г.Г. Шпета. Теория деятельности и культурно-историческое направление явились необходимыми предпосылками плодотворного исследования сознания в рамках психологии.

Сознание рассматривается как высшая форма психики, что подразумевает наличие существенных отличий от низших форм. В психологической науке сознание противопоставляется в первую очередь бессознательным процессам или неосознаваемому содержанию восприятия, памяти, мышления, творчества (В.Ф.Петренко).

Одним из первых, кто обратился к проблеме сознания, был Л.С. Выготский, а А.Н. Леонтьев развил основные положения культурно-исторической психологии относительно природы и строения сознания. С его точки зрения, строение сознания закономерно связано со строением деятельности человека, в которой оно формируется. А.Н. Леонтьев подчеркивает системность сознания и описывает его психологическую структуру, включающую значения, личностный смысл и чувственную ткань. Впоследствии В.П. Зинченко добавляет еще один компонент в эту структуру: биодинамическую ткань движения и действия.

Индивидуальное сознание рассматривается в сопоставлении с общественным сознанием и бессознательным. Общественное (коллективное, социальное, групповое) сознание обладает психологической реальностью, выходящей за пределы физиологической реальности мозга (Э. Дюркгейм, В. Вундт). Специфика общественного сознания заключается в проявлении наиболее глубоких, древних и общих для всех качеств. Особенности общественного сознания, его архаичский характер и слабо контролируемое влияние на индивидуальное сознание сближают его с проявлением бессознательного (Е.В.Улыбина).

Существует несколько подходов к классификации типов бессознательного (А.Г. Асмолов, П.В. Симонов, Ю.Б. Гиппенрейтер). Эти феномены лишены связи с языком и обладают безусловным, непреодолимым воздействием на поведение человека.

Обыденное сознание располагается на стыке различных психологических образований индивидуальной и общественной природы. Его содержание имеет во многом нерациональный характер, но включает в себя и элементы научного знания, которые свободно сосуществуют друг с другом. Оно с трудом поддается рефлексии, но в то же время не является полностью бессознательным. Обыденное сознание – надежный инструмент адаптации к окружающему миру. Это естественный уровень отражения действительности, который человек использует в своей повседневной жизни.

В реальности нам даны лишь продукты индивидуального сознания. Формирование его происходит в процессе присвоения родной культуры, вместе с которой человек интериоризирует и общественное сознание носителей своей культуры. В индивидуальном сознании нет ничего, чего не было бы заложено в культуре. Следовательно, по овнешненным продуктам индивидуальных сознаний мы можем судить и об общественном сознании в целом [Тарасов и др. 2007: 54-55].

В отечественной психолингвистике не ставится прямой задачи исследования сознания как психического феномена. Исходя из специфики собственного предмета и объекта, сознание в психолингвистике понимается как трансцендентальный феномен, недоступный прямому наблюдению в качестве объекта научного анализа. Психолингвистика оперирует понятием языкового сознания.

Трансцендентальность сознания обуславливает зависимость результатов его исследования от используемых «приборов», каковыми могут считаться метасознания исследователей и используемые ими овнешнения (языковые). В овнешнениях неизбежно происходит искажение образов сознания, что создает главную трудность при описании сознания. Другой трудностью является описание неосознаваемых или не полностью осознаваемых слоев сознания. Специфика психолингвистического подхода к исследованию языкового сознания (применение свободного ассоциативного эксперимента, исследование межкультурного общения) помогает овнешнению неосознаваемых знаний, входящих в образ сознания. Результаты исследования сознания-объекта при помощи разных «приборов» необходимо рассматривать как непротиворечивые и дополнительные по отношению друг к другу [Тарасов 1996: 17-20].

В современной отечественной психологии определение значения дается на основе деятельностного подхода и концепции образа мира А.Н. Леонтьева. Значение – обобщенная форма отражения/запечатления общественно-исторического опыта, приобретенного в процессе совместной деятельности и общения и существующего в виде понятий, опредмеченных в схемах действия, социальных ролях, нормах и ценностях. Посредством системы значений сознанию субъекта предстает образ мира, других людей, самого себя.

Разрабатывая психолингвистическую теорию значения, А.А. Леонтьев исходит из понимания значения как предметного содержания, освобожденного от своей вещественности и обретшего новую форму бытия – идеальную. Предметный мир присваивается субъектом в идеальной форме, форме сознательного отражения. Образы сознания, сознательные образы предметов – это означенные образы, наделенные значением.

Значения, являются одновременно элементами двух систем: входят в систему общественного сознания, являются *социальными* явлениями (и в этом качестве прежде всего и изучаются лингвистикой); но одновременно они являются частью *индивидуального* сознания (и в этом качестве

изучаются психологией). Значение не может быть целиком «помещено» ни в индивидуальную психику или сознание, ни в общественное сознание.

Психолингвистический подход к значению А.А. Леонтьев противопоставляет собственно лингвистическому, «в модели языка». Психолингвистический подход – это подход со стороны речевой деятельности. При рассмотрении с этой стороны психологическая структура значения есть система его семантических компонентов, рассматриваемых не как абстрактно-лингвистическое понятие, а в динамике коммуникации, во всей полноте лингвистической, социальной обусловленности употребления слова. Такая система соотнесенности и противопоставления слов, рассмотренная под психологическим углом зрения, есть система *ассоциативных связей слов*. Психологическая структура значения есть его *ассоциативная структура*.

Значение развивается и проходит в онтогенезе определенные стадии. В основе усвоения и «присвоения» значения лежит принцип интериоризации, объектом которой является опосредованная культурным знаком психическая функция, являющаяся «по происхождению» внешней, данной в системе реального общения и лишь вторично переместившаяся в индивидуальное сознание.

Современная теория речевой деятельности оперирует термином «образ сознания», предпочитая его значению. В психологии образ сознания рассматривают как явление, состоящее из умственной и чувственной частей. Чувственная часть формируется в предметной (познавательной) деятельности, а умственная – в общении, где субъект сознания формирует новые знания в ходе речевого общения, когда он воспринимает речевые сообщения и формирует новые знания как содержание воспринятых сообщений [Тарасов 2000: 25].

В психолингвистике значение слова используется для описания знаний, вовлекаемых в процесс речевого общения. Значение есть знание, ассоциированное со словом, общее для всех носителей языка.

С начала 90-х годов XX в. в Московской психолингвистической школе формируется «*новая методологическая база для этнопсихолингвистических исследований*: центральной проблемой становится исследование национально-культурной специфики языкового сознания» [Уфимцева 2003: 165]. Этот методологический поворот связан с введением понятия **языкового сознания** и **межкультурного общения** как онтологии анализа языкового сознания.

В главе приведены основные положения, на которых базируется **этнокультурное** исследование языкового сознания в рамках Московской психолингвистической школы (Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева).

Межкультурное общение понимается как общение носителей разных культур (и разных языков). Речевые продукты межкультурного общения являются материалом для выявления этнокультурной специфики языкового сознания. Языковое сознание внешне детерминировано, отображает

специфику взаимодействия с миром конкретного этноса и неотрывно от этнической, национальной культуры. Анализируя конкретные речевые овнешнения языкового сознания, исследователь изучает конкретную форму культуры конкретного этноса в определенное историческое время, сопоставительный анализ идеальной формы культуры разных этносов дает возможность выявлять их специфику и осуществлять профилактику коммуникативных конфликтов.

Сознание носителя каждой национальной культуры включает образы и представления, бытующие в данной культуре, которые сформировались при ее «присвоении». Для речевого общения необходима общность сознаний коммуникантов, которая состоит из общности знаний о мире и общности знаний о языке.

Главной причиной непонимания при межкультурном общении является различие национальных сознаний коммуникантов. Проблему общения носителей разных национальных культур следует понимать как проблему общения разных национальных сознаний. Оптимальные условия для их анализа создает онтология межкультурного общения. Из такого понимания языкового сознания выводятся пути и методы его исследования.

В главе рассматриваются отличительные особенности в исследовании этнокультурной обусловленности языкового сознания, заложенные работами Н.В. Уфимцевой. Подчеркнем объяснительный характер этих исследований, стремление не просто зафиксировать содержание образов сознания, стоящих за словами конкретного языка, но и интерпретировать это содержание, объяснить его этнокультурную специфику и устойчивость, выявить пути и способы овладения языком и культурой. Кроме того, автор стремится создать теорию и методологию этнопсихолингвистических исследований на основе широкого подхода и с опорой на данные смежных наук.

Одним из важнейших направлений можно признать исследование **динамики** языкового сознания. Прежде всего имеется в виду динамика русского языкового сознания, выявляемого по данным ассоциативных словарей, т.е. с конца 60-х годов XX в. Как показывает анализ ядра языкового сознания русских по данным русских ассоциативных словарей, «системность языкового сознания, которая вскрывается при анализе материалов массового свободного ассоциативного эксперимента, является достаточно стабильной, тем самым можно предположить, что она связана с системой этнических констант» [Уфимцева 2004а].

Другим направлением исследования динамики языкового сознания русских своеобразное обращение к «доистории» – «археология языкового сознания» [Уфимцева 2005б].

Ядро менталитета любого этноса формируется на ранних стадиях этногенеза и сохраняется на протяжении всей жизни этноса. Н.В. Уфимцева предприняла попытку сравнить «системность и содержание образа мира русских, выявленную по материалам РАС с результатами реконструкции языкового сознания человека, жившего в X-XI вв.» по материалам

монографии Т.И. Вендиной «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» (М.: Индрик, 2002).

Насколько правомерно использовать для «реконструкций» подобного рода исследования по истории языка, выполненные на материале древних источников современными учеными, и насколько достоверны результаты таких «реконструкций», т.е. как они должны быть интерпретированы в рамках психолингвистики с учетом хронологической «дистанции» между исследователем и объектом?

Нам представляется, что использование древних текстов и исследований, выполненных на этом материале, для выявления культурных архетипов (архетипов языкового сознания) вполне возможно и правомерно. Исследователь языкового сознания, если он обращается к историческим корням этноса, его культуры и языка, вынужден иметь дело с тем, что сохранилось. Ученый может ставить перед собой разные научные задачи, использовать разные методы, но в любом случае он имеет дело с языком, «с пространством **смыслов**, в котором живет человек» [Вендина 2002: 17]. «Древнее слово в этом случае предстает перед лингвистом таким же, как старый черепок в разрытом кургане, но это след не материальной, а духовной культуры народа, создавшего такое слово» [Колесов 2000: 13].

В языкознании традиция рассматривать язык в связи с историей народа, развитием его культуры и мышления ведет свое начало от В. фон Гумбольдта. В отечественной науке о языке этот подход представлен прежде всего трудами А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева, Б.А. Ларина и других лингвистов. Отечественным языкознанием к настоящему времени накоплен обширный материал, который позволяет реконструировать по таким остаткам древние представления о мире и систему ценностей человека, которые отразились в языке. «Дописьменная история культуры запечатлена не в археологических памятниках (не в “костях”), а в самом значении слов, представляющих собой развитие индоевропейского культурного наследия. Исконный словарный состав – вот первое оригинальное достояние русской культуры» [Степанов 2001: 6].

Насколько достоверны такие реконструкции, насколько они объективны? С тех времен, когда языкознание обратилось к реконструкции, в рамках сравнительно-исторического метода, реконструкция есть гипотеза. Степень достоверности и объективности реконструкции не может превышать степени достоверности и объективности самой гипотезы.

С опорой на принцип дополнительности, который при исследовании языкового сознания является обязательным, подобные гипотетические ментефакты выступают в качестве еще одного «прибора» со своей «мерностью». Результаты исследования с помощью этого «прибора» выступают как дополнительные по отношению к данным, полученным с помощью других «приборов».

5. Н.В. Уфимцевой была разработана методика содержательного анализа этнокультурной специфики языкового сознания, в частности его **ядра**, выявленного с помощью свободного ассоциативного эксперимента.

К настоящему времени проведены сопоставительные исследования на материале ядра языкового сознания русского, украинского, белорусского, болгарского, английского, хакасского, бурятского, вьетнамского, испанского и других языков, которые позволяют говорить об этническом «инварианте» образа мира носителей разных культур.

Понятие бессознательного, ведущее свое начало от З. Фрейда, вошло в обиход многих сфер гуманитарного знания, однако наиболее известной концепцией, на которую опираются ученые, является психологическая концепция К.Г. Юнга, который ввел в научный оборот понятие коллективного (культурного) бессознательного. В современной науке культурное бессознательное предстает как чрезвычайно многоликое и разнообразное явление.

Культурное бессознательное есть «невысказанный контекст культуры», который бессознательно усваивается человеком в силу его изначальной погруженности в определенный культурный мир.

Психолингвистическая интерпретация бессознательного отличается от предлагаемой в психологии. Круг явлений, относимых к бессознательному в теории речевой деятельности, более широк, чем в психологии. Проявлением бессознательного являются вербальные ассоциации.

При определении культуры мы находим опору в том подходе, который принят в рамках психологической антропологии, или этнопсихологии, и концепциях, близких по теоретическим установкам. Психологическая антропология представляет собой продолжение научной традиции, существовавшей в философии и культурной антропологии XIX в. Для нее характерно пристальное внимание к психологическому аспекту развития и функционирования культур. Она известна как изучение «психологии народов», «духа народов». Эта дисциплина аккумулировала богатый опыт изучения данной проблемы в XIX в. как в общепhilosophическом (И. Кант, Г. Гегель), так и в историко-культурном (А. Бастиан, Т. Вайц) плане.

Наиболее значительное воздействие на нее оказали исследования В. Вундта и направление, известное как «групповая социальная психология» (Г. Тард, Г. Лебок и др.), а также теоретические концепции В. Дильтея и З. Фрейда, «теория научения» бихевиоризма. Возникновение психологической антропологии относят к 20-30 годам XX в. (до 60-х годов она известна как школа «культура-и-личность»). В нашей стране психологическая антропология представлена прежде всего трудами А.А. Белика, С.В. Лурье, Э.С. Маркаряна, С.А. Арутюнова, И.И. Крупника. Для всех этих исследований характерна ориентация на зарубежную научную традицию, связанную с работами таких ученых, как Р. Бенедикт, М. Мид, Дж. Хонигман, Р. д'Андрад, М. Коул, М. Спиро и др. Единого и общепринятого определения культуры нет и в рамках данного направления. Мы считаем принципиально невозможным дать единое определение культуры, даже в качестве рабочего, и исходим из множественности ее определений.

В понятии «культура» абстрагируется именно тот механизм деятельности, который не задается биологической организацией и отличает

проявления специфически человеческой активности, которая определяется как социальная по своей природе активность, программируемая и реализуемая с помощью механизмов культуры. «Этнические культуры представляют собой исторически выработанные способы деятельности, благодаря которым обеспечивалась и обеспечивается адаптация различных народов к условиям окружающей их природной и социальной среды» [Маркарян 1978: 8-9].

Язык выступает как компонент культуры, механизм культурной традиции, с помощью которого накапливается, выражается и передается из поколения в поколение исторически общественно значимый опыт.

С.В. Лурье определяет культуру как систему ментальных значений, которая охватывает все аспекты мироздания, материальные, идеальные и психические, если они лежат внутри принятых культурой рамок, и представляет собой структуру.

Этнос обладает неким внутренним, не осознаваемым ни его членами, ни внешним наблюдателями, культурным стержнем, в каждом случае уникальным, который определяет согласованность действий членов этноса и обнаруживает себя вовне через различные модификации культурной традиции, являющиеся выражением некоего внутреннего содержания. Этот стержень (центральная зона культуры), является основой этничности. Вокруг центральной зоны кристаллизуется картина мира этноса.

Центральная зона культуры представляет собой систему культурных (этнических) констант. Этнические константы – бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной среде и выполняющие в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде. На основании культурных (этнических) констант формируются адаптационно-деятельностные модели культуры. Культурные (этнические) константы представляют собой структурообразующие моменты этнического бессознательного (С.В. Лурье).

Свободный **ассоциативный эксперимент** является важным методом исследования языкового сознания и культурной специфики образов сознания. С появлением психолингвистики в середине XX в. расширилась область применения метода свободных ассоциаций, изменились его задачи, усовершенствована методология, возросли интерпретационные возможности.

По мнению некоторых ученых, в настоящее время можно говорить о возникновении отдельного направления в психолингвистике – ассоциативной лингвистике.

Совокупность ассоциатов на слово-стимул представляет собой ассоциативное поле (АП) слова. В самом АП различают ядро (наиболее частотные реакции) и периферию (единичные реакции). Именно реакции, относящиеся к ядру АП, традиционно привлекают внимание исследователей. Следует заметить, что подход к членению АП существенно зависит и от целей исследования, и от количества ассоциатов, полученных на данный стимул.

По мнению Ю.Н. Караулова, оптимальным количественным составом поля как единицы владения языком следует считать число реакций в пределах 400-500 единиц. Этот показатель ассоциативного поля связывается с оценкой полноты завершенности, целостности этого образования как усредненного фрагмента реальной ассоциативно-вербальной сети, существующей в голове носителя языка.

Еще одной статистической закономерностью в структуре АП обладает ранговый показатель частот реакций. Чем больше количество реакций, тем больше число рангов в нем. При этом при составе поля в 100 реакций число рангов колеблется в пределах 5-8, поле в 500 реакций «укладывается» в 16-18 рангов, а поле в 1000 реакций (ассоциативная норма) распределяет свои частоты по 21-23 рангам.

Г.А. Черкасова [2005] делит реакции АП на «постоянные» и «вероятностные». «Постоянные» реакции, данные более чем 5% респондентов, встречаются во всех выборках, причем их количество весьма мало (3-6 слов). Такие реакции имеют относительную частоту встречаемости более 5% в любых выборках объемом не менее 100 респондентов, и при увеличении объема выборки со 100 до 200 респондентов относительные частоты встречаемости (ранги) «постоянных» реакций стабилизируются. Реакции, данные менее чем 5% респондентов, являются «вероятностными». «Постоянные» реакции отражают наиболее устойчивые связи, сложившиеся на момент обследования между единицами языкового сознания испытуемых. На наш взгляд, «постоянные» реакции по своей относительной частоте могут квалифицироваться как относящиеся к ядру АП. При этом понятие ядра АП шире, чем понятие «постоянной» зоны АП.

Проблема качественного анализа ассоциативного материала «до сих пор остается не вполне решенной, и построение некой идеальной классификации ассоциаций, основанной на некоем непротиворечивом принципе, *не* возможно и *не* нужно» [Горошко 2001: 254]. Специфика подхода к анализу ассоциативного материала определяется исследовательскими целями и задачами, аспектом исследования, характеристиками полученного материала и другими факторами.

Собирание ассоциативных норм и создание ассоциативных словарей и тезаурусов является одним из наиболее приоритетных и перспективных направлений в современной психолингвистике.

Ассоциативные поля являются внешней формой существования образов сознания, ассоциированных со словом-стимулом, из слов-реакций, на которые сконструировано ассоциативное поле. Как феномен, ассоциативная связь определена именно культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не отдаем себе отчета. Изучая ассоциации, мы апеллируем к неосознаваемому, глубинному слою нашей психики.

В 90-е годы XX в. был создан «Русский ассоциативный словарь», который на настоящий момент является самым полным ассоциативным словарем русского языка, существующим в печатной и электронной форме.

Как утверждают авторы, РАС «моделирует вербальную память и языковое сознание “усредненного” носителя русского языка, фактически являясь словарем-тезаурусом русского языка конца XX века». В целом, существующие ассоциативные словари дают материал для исследования языкового сознания русских в динамике за последние полвека, т.е. начиная с 60-х годов XX в.

Вторая глава «Жизненный путь как хронотоп» включает в себя следующие разделы: 2.1. Пространство и время как структуры сознания и категории; 2.2. Формирование категорий пространства и времени по данным психологии и онтогенеза; 2.3. Формы и модели пространства и времени как инструментарий научного описания; 2.4. Хронотоп. Концепции хронотопа; 2.5. Жизненный путь и его хронотопические характеристики; 2.6. Автобиографическая память. В главе рассматриваются некоторые общие вопросы, связанные с трактовкой пространства, времени (в их взаимосвязи), жизненного пути и автобиографической памяти.

Современные научные представления о пространстве и времени сложны и многообразны, количество трудов, посвященных исследованию этих категорий огромно. Для нас важно прежде всего, как пространство и время отражаются в языковом сознании.

Употребление термина «категория» применительно к исследованию пространства и времени в этом аспекте требует определенных пояснений, особенно при рассмотрении их с позиций психологии. Феномены пространства и времени рассматриваются как имеющие самостоятельное существование неосознанные структуры, определяющие содержание осознаваемого и переживаемого человеком, – фундаментальные структуры сознания. Они конституируют обыденную реальность и являются нормативно заданными. Кроме фундаментальных структур сознания выделяются рациональные конструкции (сущности), созданные, в частности для описания феноменов пространства (абсолютное физическое пространство) и времени (объективное время). Рациональные конструкции возникают как способы описания объектов внешнего мира (Е.В. Субботский).

Оптимальной формой описания особой психологической реальности – картины мира субъекта, его имплицитной модели того или иного фрагмента действительности необходима реконструкция категориальной структуры индивидуального сознания. Являясь средством осознания мира, категориальные структуры индивидуального сознания могут и не осознаваться субъектом как таковые. Категории обыденного, житейского сознания представляют собой синкретические, расплывчатые обобщения. Однако грань между категориями-понятиями философского, научного сознания и категориями-значениями обыденного житейского сознания достаточно условна (В.Ф. Петренко).

Специфика категорий пространства и времени обыденного сознания определяется характером обыденного сознания и его функциональной направленностью, которая заключается в том, чтобы обеспечить адекватную

ориентацию человека как субъекта обыденного сознания и его адаптацию к непосредственным условиям жизнедеятельности.

Пространственно-временные представления рассматривались во всех крупных исследованиях, посвященных онтогенезу психики человека. Наиболее значимыми в этой области являются работы Ж. Пиаже, из отечественных ученых – Л.Г. Элькина, А.В. Запорожца, Е.В. Субботского и др. Л.М. Веккер указывает, что пространственно-временная структура является наиболее общим свойством любого психического процесса и рассматривает ее на примере разноуровневых психических явлений.

Всеобщий характер пространства и времени формирует аппарат научного описания, который можно признать междисциплинарным. Например, выделяют время физическое, историческое, биологическое, геологическое, социальное, лингвистическое и т.д. И одновременно – внутреннее и внешнее, циклическое и линейное, объективное и субъективное, концептуальное и перцептуальное и т.д. Аналогичные рассуждения можно вывести и применительно к пониманию пространства. Каждая область знания сегодня строит себе свою модель времени и пространства, наделяя их теми свойствами, которые характерны для изучаемых явлений. Однако такая «специализация» позволяющая создавать частнонаучные картины мира и рассматривать соответствующие виды времени и пространства как разные их формы, сложилась относительно поздно, разорвав первоначальное единство естественнонаучного и философского подходов к проблеме пространства и времени.

В рамках данного раздела рассмотрены некоторые фундаментальные виды и модели пространства и времени, выработанные в ходе научного изучения этих категорий (Аристотель, Архимед, Блаженный Августин, И. Ньютон, Г. Лейбниц, И. Кант, А. Эйнштейн и др.)

Теория относительности А. Эйнштейна отвергла представления об абсолютном времени и абсолютном пространстве, которые существуют независимо от материальных вещей и процессов. Именно реляционная концепция, получившая обоснование в теории относительности Эйнштейна, соответствует современной научной картине мира.

Ряд ученых, – представители как гуманитарных, так и естественных наук, – признают, что невозможно строго разделить естественнонаучные и культурно-психологические взгляды на проблему времени.

С развитием знания произошла дифференциация категорий пространства и времени. В современной науке предметом исследования выступают «частные» типы пространства и времени: биологическое, социальное, историческое, психологическое, семиотическое, культурное (и др.) время и/или пространство. Они «возникают» и формируются вокруг человека как их центра.

Психологическое время является одной из фундаментальных категорий в психологии. Психологическое время – это отражение в психике человека системы временных отношений между событиями его жизненного пути. Психологическое время включает оценки одновременности,

последовательности, длительности, скорости протекания различных событий жизни, их принадлежности к настоящему, удаленности в прошлое и будущее, переживания сжатости и растянутости, прерывности и непрерывности, ограниченности и беспредельности времени, осознание возраста, возрастных этапов (детства, молодости, зрелости, старости), представления о вероятной продолжительности жизни, о смерти и бессмертии, об исторической связи собственной жизни с жизнью предшествующих и последующих поколений семьи, общества, человечества в целом, и т.д. [Кроник 2005: 107].

Среди многообразия существующих моделей времени наиболее важными представляются, во-первых, различие времени **циклического** и **линейного**, во-вторых, – времени **концептуального** и **перцептуального**, а также связанный с этим вопрос о свойствах времени. В последнем случае выделяемые модели приложимы и к рассмотрению пространства.

Концептуальное время и пространство есть время и пространство понятийное, в которых степень обобщения, абстрагированности является максимальной. Содержание категорий пространства и времени представляет собой совокупность фундаментальных признаков, по которым происходит обобщение: протяженность, рядоположенность, длительность, последовательность, непрерывность, прерывность, устойчивость, изменчивость, конечность, бесконечность, граница, окрестность, расстояние, размерность, необратимость и др. В результате достигается максимальная степень генерализации, а набор выделенных свойств характеризуется большой степенью общности и фундаментальности.

Перцептуальное пространство и время – это чувственно воспринимаемое пространство и время. В психологической трактовке оно совпадает в понятием субъективного (внутреннего) пространства или времени. Перцептуальное пространство и время играют большую роль в структуре отражения пространства и времени обыденным и художественным сознанием, которые отражают пространственно-временные отношения объектов и процессов непосредственного окружения человека, вовлеченных в сферу его деятельности.

Перцептуальная и концептуальная модели, по сути дела представляют собой разновидности субъективного времени. Таким образом, различие концептуальной и перцептуальной моделей не предполагает их противопоставления. Обе модели принадлежат человеку как субъекту познания, восприятия и деятельности.

При изучении времени в языке исследователи чаще всего отталкиваются преимущественно от двух, традиционно выделяемых моделей – **циклического** и **линейного** времени. Обе модели разрабатывались историками и культурологами (М. Гюйо, Н.А. Бердяев, А.Я. Гуревич и др.) и в дальнейшем успешно использовались лингвистами (Б.А. Успенский, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Яковлева, В.И. Постовалова, Т.В. Топорова и др.). Следует отметить, что толкование времени как циклического и линейного не относится к времени как категории философской. В этих двух моделях категория времени предстает как концептуально-языковая (или

лингвокультурологическая) категория, языковыми средствами выражающая представления о времени, сложившиеся в сознании человека и культуре.

Таким образом, в современных концепциях времени и пространства наряду с чисто физической трактовкой присутствуют представления о пространстве и времени социальном, опосредованном культурой и переживаемым личностью.

Научное представление о связи времени и пространства ведет свое начало в так называемой геометрической модели времени, разработанной в физике, точнее первоначально в классической механике, а затем получившей свое качественное развитие в теории относительности.

В гуманитарных науках наиболее известной и популярной (благодаря широко известным литературоведческим исследованиям М.М. Бахтина) концепцией, связывающей время и пространство, является **концепция хронотопа**. Сама идея берет начало в теории относительности, но термин «хронотоп» был предложен в 1925 г. А.А. Ухтомским под воздействием идей Г. Минковского и А.Эйнштейна. Ученый рассматривал его прежде всего на примере процессов, протекающих в центральной нервной системе живого существа, но придавал термину гораздо более широкое и обобщенно-философское значение, что и предопределило дальнейшее продуктивное его использование. В исследуемых А.А. Ухтомским процессах наиболее явно выразился основной принцип хронотопа – единство и взаимопереход временных и пространственных характеристик объекта, что подтверждается современными исследованиями в области нейробиологии и физиологии высшей нервной деятельности.

Пространственный характер первичных временных представлений находит подтверждение в психологических и культурологических исследованиях. Пространственный характер временных понятий характерен для мифологического сознания (М.И. Стеблин-Каменский, А.Я. Гуревич) и сохраняется во временной лексике.

Наибольшую известность идея хронотопа приобрела благодаря литературоведческим работам М.М. Бахтина, использовавшего этот термин в исследовании художественных текстов разных исторических эпох.

Исходя из онтологического характера психики и способа ее организации, в психологии признается возможным использование идеи хронотопа как синтеза времени и пространства. Идея хронотопа плодотворно разрабатывалась и в рамках разных **психологических** школ и направлений (Л.М. Веккер, К.А. Абульханова, Т. Н. Березина, В.И. Ковалев).

В концепции образа мира, развиваемой в рамках школы А.Н. Леонтьева, хронотопичность является одной из его характеристик.

Применение идеи хронотопа к исследованию **социокультурной проблематики** интересно прежде всего тем, что в смысловое освоение пространства и времени включается культура [Д.Г. Горин 2003]. Сложное взаимодействие цивилизации со своей пространственной средой определяет специфику означивания пространства и протекания культурного времени. В

рамках каждой цивилизации воспроизводится специфическая культурная картина мира, основанная на определенных хронотопических контекстах.

Особенности российского культурного хронотопа [Д.Г. Горин 2003]. Основным характерным признаком хронотопа – **дискретность**. Особенности ландшафта определяли дискретный характер расселения людей и, соответственно, – означивание пространства как дискретного, прерывного, дифференцированного на «свое» и «чужое», «неизвестное», «опасное». Разорванность и граничность пространства дополнялась сложностью поддержания исторической непрерывности традиции – дискретность времени.

Дискретность локально-антропоморфных хронотопов порождала особый тип социально-структурных порядков локального уровня, который характеризуется устойчивыми традициями **локального социоцентризма**. Культура России долгое время существовала как культура корпоративная, в которой отдельная личность обладала правами не сама по себе, а как член того или иного локального сообщества. Локальный социоцентризм лежит в основе культуры прежде всего русского крестьянства – община (мир). Восприятие времени здесь носит характер исходной цикличности с элементами линейного времени, ограниченных циклической повторяемостью. Локальные стереотипы общинности и коллективизма воспроизводились в различных формах на разных исторических этапах, в том числе и в советском общественном устройстве.

Локальные миры расширялись до осознания всей «Святой Руси» как «своего» мира. Это оказало влияние на российскую традицию легитимизации и осмысления государства: **фрактальностью** российского хронотопа – характерным переносом локальных стереотипов на описание большого сообщества. Государство воспринималось как увеличенное до огромных размеров локальное сообщество, построенное по тем же принципам и законом.

Особенностью российского хронотопа с его превалированием пространственного мышления является **жесткая локализация власти** в географическом пространстве, макросоциальном центре – столице. Центр узурпирует себе право быть активным и первичным началом, противопоставляя себе периферию, которая нередко означивается как второстепенная и маргинальная, удаленная от центра не только в пространстве, но и во времени.

Иной тенденцией культурной интеграции выступает **паройкиальная**, непосредственным образом вырастающая из локально-антропоморфных хронотопов и структур жизненного мира. Понятие паройкиальности охватывает социокультурную ориентацию на локальный мир, кровные узы, связь с землей, для этой культурной тенденции характерно пассивно-естественное и органичное восприятие природных явлений. Осмысление времени в рамках паройкиального хронотопа не просто глубоко пространственно, но и предельно конкретно, неотделимо от «своей» земли, «малой родины и природных ритмов смены дня и ночи, времени года и т.п.

Эта тенденция на уровне антропоморфных хронотопов представлена, например, провинциальной культурой, ориентирующейся на этнорегиональные традиции, уходящие своими «корнями» в самобытную «почву». В семиотическом пространстве паройкиальной культурной тенденции одну из ключевых позиций занимает образ дома, дом воплощает в себе микрокосм, в котором интегрированы представления о гармоничной организации пространства, об органичном единстве социального и природного.

Паройкиальный хронотоп характеризуется преобладанием обыденного циклического времени, которое лишено поступательного исторического хода и движется по узким кругам: круг недели, месяца, круг жизни. В каждом из таких циклов воспроизводится повторение обычных структур повседневности. Линейные векторы времени являются вторичными и внешними для паройкиального хронотопа. Они задают историческое время, время политических процессов, которые контрастируют со структурами повседневности, а нередко и взрывают их.

Сущность современного **глобального хронотопа** состоит в «ускорении» времени и «сжатии» пространства. Локально-антропоморфные хронотопы в условиях глобализации разрушаются под воздействием глобальной унифицированной субкультуры. Однако люди в большинстве своем по-прежнему живут в своих локальных мирах, имеющих не только пространственно-временные, но и культурные границы. Паройкиальная культурная тенденция выступает в качестве механизма поддержания самобытности и сохранения традиционных основ российской цивилизации в условиях усиления инокультурного влияния и процессов глобализации.

Лингвистический аспект проблематики пространства и времени представляет особую важность, поскольку подавляющее большинство языковых категорий строится на основе пространственно-временных показателей. Во многих исследованиях подчеркивается зависимость представлений об этих категориях от языковой формы их выражения, реконструкция соответствующих представлений опирается на данные языка (В.Н.Топоров, Т.В. Топорова, А.Я. Гуревич, Т.В. Цивьян, Г.И. Берестнев).

В языкознании прежде всего исследуются пространственно-временные основы организации языка, реализующиеся на различных уровнях. Сюда относится универсальный принцип линейности языка, выдвинутый Ф. де Соссюром; отдельные грамматические категории (например, категория времени); некоторые падежи, семантика которых определяется положением предмета в пространстве; система предлогов, связанных с пространственной ориентацией и соответствующих дейктических частиц; неграмматические (лексические) способы выражения пространственно-временных отношений; вовлечение пространственных характеристик в синтаксис. Кроме того, изучается зависимость представлений о пространстве и времени от языка, которая может проявляться в выборе семантических мотивировок пространственных и временных понятий в конкретных языках или в языковой детерминированности некоторых обозначений пространства и

времени. Исследователи неоднократно указывали на неразрывность пространства и времени на уровне языковых обозначений.

Исконная хронотопичность пространственно-временных обозначений, как лексических, так и грамматических, подтверждается многочисленными фактами сравнительно-исторического языкознания. Временные значения формируются на основе пространственных, что находит подтверждение и опору в исследованиях по языкознанию, психологии и истории культуры.

Жизненный путь личности является предметом изучения социальной психологии, психологии развития и психологии личности. К этой проблеме в отечественной психологии первыми обратились Н.А. Рыбников, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев. До этого она преимущественно рассматривалась в зарубежных концепциях личности (П. Жане, Ш.Бюлер и др.).

Основным в изучении жизненного пути личности является биографический метод. Этот метод разрабатывался как в отечественной (Б.Г. Ананьев, Н.М. Владимирова, А.А. Кроник, Н.А. Логинова, Н.А. Рыбников и др.), так и зарубежной (Ш.Бюлер, Г. Олпорт, Г. Томе и др.) психологии.

Важнейшей проблемой, поставленной С.Л. Рубинштейном, является субъективная картина жизненного пути – субъективный образ, отражающий пространственно-временные параметры человеческой жизни и регулирующий активность личности как субъекта жизни.

Б.Г. Ананьев опирается на взгляды Л.С. Выготского, который понимал психическое развитие как диалектическое единство двух принципиально различных рядов – натурального (онтогенетического) и культурного или социального развития. Б.Г. Ананьеву принадлежит широко известное и укоренившееся в отечественной психологии определение жизненного пути: «это история формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи, сверстника определенного поколения» [Ананьев 2001: 86].

Субъективная картина жизненного пути личности хранится особым видом памяти, а именно исторической, или **автобиографической памятью**, которая пока еще мало изучена и представляет собой особую личностно обусловленную реальность, соединяя в себе черты других видов памяти и в то же время обладая внутренней цельностью [Нуркова 2000: 39].

Среди выделяемых характеристик автобиографической памяти следует отметить: а) вербализованный способ существования в форме социально структурированного рассказа; б) временная организация автобиографического материала, представленная индивидуально специфичными конфигурациями «пространства прошлого» и стратегиями датировки событий. Время представлено в воспоминании через изменение пространственных отношений и конкретные действия непосредственных участников. Таков хронотоп автобиографической памяти.

В третьей главе «**Ядро языкового сознания и модели жизненного хронотопа**» представлены следующие разделы: 3.1. Ядро языкового сознания как проекция бытия человека; 3.2. Модели жизненного хронотопа в

русском языковом сознании; 3.3. Пространственно-временные дейктические модели.

С учетом различий в частотности реакций и неоднородности ассоциативных связей исследователи выделяют ядерную часть лексики, называемую «ядром ментального лексикона» (А.А. Залевская, Н.О. Золотова) или «ядром языкового сознания» (Н.В. Уфимцева, Ю.Н. Караулов, С.Г. Незговорова, В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова). Методика выделения ядра языкового сознания была предложена А.А. Залевской, впервые ядро русского языкового сознания было выделено Н.В. Уфимцевой в количестве 75 слов еще в ходе работы над РАС.

Ядро языкового сознания носителей языка формируется из тех слов в ассоциативно-вербальной сети, которые имеют наибольшее число связей, т.е. вызваны в качестве ответов на наибольшее число стимулов. В ядре сконцентрирована актуальная для человека картина мира, обнаруживающая универсальный характер по линии концептуального сравнения в разных языках (Н.О. Золотова). «Максимальное схождение между языками обнаруживается в понятийных зонах, проявление же национально-культурной специфики проявляется на уровне отдельных слов, именно на этом уровне обнаруживаются максимальные различия между языками» [Караулов 1981: 228].

Выделение ядра в структуре языкового сознания и оперирование его единицами дает большие возможности для исследования этнокультурной специфики языкового сознания, как в межкультурном так и в интракультурном аспектах.

По нашему мнению, оперирование небольшим количеством единиц, которые являются высокочастотными, в наибольшей степени «задействованными» в ассоциативно-вербальной сети и в речевой деятельности в целом, дает более показательные результаты, чем работа с массивом, насчитывающим сотни слов. Такие ключевые единицы дают выход и на все остальные, имеющие меньшее количество связей в ассоциативно-вербальной сети, что было обосновано психологами (В.С. Старинец, К.Г. Агабабян, Г.И. Недялкова) и лингвистами (Ю.Н. Караулов, «правило шести шагов»).

Нами проведен сопоставительный анализ первых 30 слов ядра языкового сознания русских, англичан, испанцев, белорусов, украинцев, болгар, хакасов и вьетнамцев, позволяющие сравнить данные восьми языков. Опираясь на эти данные можно выделить некоторые «универсальные» единицы, которые, вероятно, имеют выражение в ядре языкового сознания каждого народа, причем с максимальным количеством входящих связей. Разумеется, эти выводы не могут иметь окончательного характера. В дальнейшем, по мере накопления материала и расширения круга языков, может уточняться состав и структура группы универсальных ядерных единиц.

По данным проведенного исследования, центральными единицами языкового сознания, его универсальными составляющими, могут быть

признаны *жизнь, человек, хорошо, любовь, красивый, радость, счастье, дом, друг, деньги, плохо, добро, большой, нет, работа, смерть, ребенок, много, мужчина, женщина*.

С учетом представленности и занимаемой позиции десять первых и наиболее важных единиц языкового сознания составляют *жизнь, человек, хорошо, любовь, красивый, радость, счастье, дом, друг, деньги*.

Таким образом, можно утверждать, что в центре языкового сознания находится сам *человек* и его *жизнь*, а языковое сознание имеет положительную оценочность и является в целом оптимистичным (*хорошо, счастье*). При этом важными в жизни человека представляются его отношения с другими людьми (*любовь, друг*), место, где он живет (*дом*), и материальное обеспечение своей жизни (*деньги*). Столь же значимыми сторонами являются эмоциональная (*радость, любовь, счастье*) и эстетическая (*красивый*).

На фоне общей оптимистичной картины ядро русского языкового сознания выглядит наиболее «мрачным»: только у русских среди десять единиц, занимающих первые позиции в ядре, выделенном по материалам РАС, зафиксированы три единицы с негативной семантикой и отрицательной оценкой – *плохо, нет, дурак*. При этом можно уверенно говорить, что слова *нет* и *плохо* являются стабильными компонентами ядра русского языкового сознания. Как еще одну особенность состава ядра языкового сознания русских можно отметить чрезвычайно высокую позицию такой единицы как *дом*.

Таким образом, ядро языкового сознания, представляет собой стабильную и активную по степени интенсивности и объему ассоциативных связей совокупность единиц, в которых концентрируется актуальный для данной этнической культуры вариант образа мира.

Из второго (обратного) тома РАС [2002] нами были выделены 531 ассоциат, имеющий количественный показатель входящих связей не менее 100. Полученный массив был разделен на 5 слоев в зависимости от количества входящих связей, при этом мы полностью следовали послойной структуре ядра, предложенной Н.О. Золотовой. Нам представляется, что при выделении центра и периферии в структуре ядра языкового сознания, можно рассматривать 2-й слой как переходный, который можно привлекать для анализа наравне с единицами 1-го слоя, составляющими центр ядра, или дополнительно к ним. Следует заметить, что в целом это соответствует сложившейся практике исследований, когда для анализа привлекаются первые 30-75 единиц ядра языкового сознания.

Н.В. Уфимцевой было установлено, что системность языкового сознания русских, вскрываемая по результатам массовых ассоциативных экспериментов, остается достаточно стабильной и центральными для языкового сознания русских с 60-х годов XX в., являются такие понятия, как *человек, дом, жизнь, хорошо, друг, нет*. Все перечисленные шесть единиц входят в круг так называемых универсальных составляющих языкового

сознания, а пять – *человек, дом, жизнь, хорошо, друг* – занимают среди них самые высокие позиции.

Значительные и интересные результаты может дать анализ на глубинном уровне, для чего используется идея «семантического гештальта», предложенная Ю.Н. Карауловым. Такой гештальт отражает внутреннюю семантическую организацию состава ассоциативного поля и характеризует поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности. Семантический гештальт складывается обычно из нескольких зон (их число колеблется в пределах 7 ± 2), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (=стимулу) [Караулов 2000: 194]. Семантический гештальт использовался как для анализа отдельных ассоциативных полей, так и применительно к лексической совокупности, составляющей ядро языкового сознания для выявления ее внутренней семантической организации и для исследования художественных текстов (Ю.Н. Караулов, А.П. Боргоякова, С.Г. Незговорова, И.Ю. Марковина, И.В. Данилова).

Семантические зоны, выделяемые на материале узкого круга ядерной лексики, имеющей самое большое количество связей в ассоциативно-вербальной сети, позволяют представить семантический гештальт именно как комплексную и одновременно целостную функциональную структуру, упорядочивающую многообразие отдельных явлений в сознании.

Нами построен семантический гештальт на материале так называемого 1-го слоя ядра языкового сознания РАС, включающего 48 слов-ассоциатов. Названия зонам даны по самому частотному в иерархии слову; порядок следования зон определялся суммарной частотой слов-понятий, ее составляющих; слова в зоне сгруппированы по смысловой близости, а также с учетом убывания частоты. В составе гештальта выделено семь зон. На первом месте по суммарному количеству входящих связей располагается зона оценки **ХОРОШО-ПЛОХО**, довольно расплывчатая по структуре и диффузная по содержанию. Наибольший интерес представляют зоны **2** и **3**, **ЖИЗНЬ** и **ЧЕЛОВЕК**. В зоне **ЖИЗНЬ** отчетливо выделяются подзоны времени, пространства и движения. В зоне **ЧЕЛОВЕК** выделяется подзона наименования людей по возрасту и полу и подзона дейктических наименований. При добавлении единиц 2-го слоя происходит не просто количественное «наращение» всех зон гештальта, но и усложнение структуры внутри отдельных зон.

В целом нам представляется, что на уровне 2-го слоя лексическое наполнение для структуры данного семантического гештальта как целостного образования является предельным, а сам гештальт начинает проявлять тенденцию к распаду, раздроблению. При дальнейшем лексическом «наращивании» за счет единиц 3-го, 4-го и 5-го слоев языкового сознания гештальт перестает существовать как целостное образование и надо как минимум менять процедуру его построения. Или же создавать классификацию на других основаниях.

Комментарии к зонам семантического гештальта.

Зона ЧЕЛОВЕК. Человек – это центр русского языкового сознания [Уфимцева 1996: 145]. По данным РАС, *человек* имеет самый высокий показатель входящих связей – 1355, следующий за ним показатель имеет слово *дом* – 845, и этот показатель существенно ниже.

Как свидетельствуют ассоциативные словари, в русском языковом сознании не зафиксировано устойчивых ассоциативных представлений, которые стоят за словом **человек**. Общее представление в целом онтологично: **человек** – это «человек» (*люди*).

В русском языковом сознании «движение идет от общего (человек родовой) к конкретным его проявлениям» [Уфимцева 1996: 158]. Такое «движение» от общего к частному в пределах зоны гештальта организуется бинарно. **ЧЕЛОВЕК** «параметризуется» в языковом сознании. Чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше у него «параметров» и тем больше он «параметризован». Ничто так не параметризовано, как человек [Степанов 2001: 697].

Прежде всего он имеет пол (*мужчина – женщина*), возраст, невзрослый – взрослый (*ребенок/парень – мужчина*), и эти признаки (или параметры) можно считать основными для характеристики человека как физического существа.

Человек в русском языковом сознании – это, прежде всего, существо мужского пола, и такое представление свойственно славянскому или даже индоевропейскому языковому сознанию в целом (Н.В. Уфимцева, Ю.С. Степанов).

Важнейшим человеческим параметром является возраст. Противопоставление имеет бинарный характер по признаку «взрослый – невзрослый» и совмещается с признаком пола (мужского): *ребенок/парень – мужчина*. Начиная со 2-го слоя, структура теряет бинарный характер, начиная соответствовать выделяемым в современном сознании стадиям возрастного развития, причем, как для мужчин, так и для женщин, но женская цепочка «запаздывает».

Подзона СЕМЬЯ, самая важная для человека как существа социального, обозначается в составе зоны **ЧЕЛОВЕК**, начиная с 2-го слоя ядра языкового сознания. Далее внутри ядра (4-5 слои) обозначаются две структуры: по браку и рождению детей. Иные семейные линии развития не получают. При преобладании в русском языковом сознании мужского начала пара *мать 159 – отец 139* представляет собой исключение. В ней более значимым членом является *мать*.

В целом социальная сфера существования человека, кроме семьи, начинает обозначаться в 3-м слое ядра языкового сознания. Это названия лиц по выполняемым ими социальным ролям. Внешний облик человека в пределах 4-5 слоев ядра, причем он прописан довольно детально, в отличие от облика «внутреннего».

Можно сказать, что в ядре русского языкового сознания человек – это существо скорее мужского пола, чем женского, взрослый или нет, я или кто-

то другой, и для меня он или плохой, или хороший. Человек имеет определенный статус в своей семье, имеет профессию или какое-то другое занятие, играет различные роли в зависимости от ситуации, в которой находится. Он имеет внешний телесный облик и душу.

Зона ЖИЗНЬ. В ее составе выделяются четыре подзоны: **ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ, ВРЕМЯ, ДОМ** (пространство), **ДОРОГА.** Именно эта зона семантического гештальта содержит хронотопические характеристики.

Жизнь – феномен онтологический (Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов). Справедливость подобного определения подтверждают и ассоциативные словари русского языка. Так, единственной «постоянной» реакцией в АП **жизнь** является *смерть*. Самая устойчивая, самая близкая ассоциативная связь – это связь через свою противоположность. Жизнь – она есть, а если ее нет, – это смерть.

«Пространственноподобный» образ жизни как пути-дороги в русском языковом сознании устойчив. Довольно весом и темпоральный компонент АП **жизнь** отражая прежде всего представление о длительности жизни, ее продолжительности во времени. С темпоральными ассоциациями неразрывно связано еще одно устойчивое представление – о движении жизни, ее течении. Движение жизни воплощается в двух образах. Первый – жизнь «идет» (а если быстро, то «летит») или человек шагает по жизни как по дороге. Отсюда метафора жизни как дороги, «жизнь есть путь». Второй – образ текущей воды как текущей, утекающей жизни. Отсюда – «река жизни». Все эти метафорические модели тесно связаны и с метафорами времени. Выражена идея начала и конца жизни. В современном языковом сознании русских практически отсутствует религиозное представление о жизни.

Таким образом, в русском языковом сознании жизнь представляется как противоположность смерти. Жизнь положительна по оценке. Она длится во времени, имеет начало и конец. Она подобна пути-дороге или текущей реке.

Подзона ВРЕМЯ в семантическом гештальте включает слова *время* и *день*. Более значимой единицей, имеющей большее количество входящих связей, является *день*, это ключевая единица данной подзоны. **ДЕНЬ** в русском языковом сознании реалистичен, он описывает некое пространственно-временное единство, отрезок жизненного пространства, отмеченного событием и является выразителем некоего «вещного» плана жизни.

В отличие от конкретного понятия «день», «время» абстрактно. В АП **время** ведущими являются представление об измерении и движении, причем довольно наглядное, хронотопическое. Время ассоциируется с водой. В языковом сознании представлен образ «реки времени», времени утекающего, как вода. Стабильным и компонентом АП являются реакции, обозначающие единицы измерения времени. В некоторых словарях, прямых и обратных, отражены ассоциации с человеческой жизнью и с пространством. Самой частотной реакцией на стимул **время** во всех ассоциативных словарях

является *деньги*. Существенную роль в представлении о времени играет определение его ценности.

Подзона ДОМ. Дом – «нулевое» пространство человека, своеобразная точка отсчета в его жизненном пути. По данным ассоциативных словарей в языковом сознании современного человека дом – это психологическое понятие, и оно обозначает прежде всего место, где живет сам человек и его семья, место, связанное с его рождением. Связь человека с домом в течение всей его жизни остается неразрывной, человек дом покидает и может там остаться в это же место он возвращается. «Семейные» связи в ассоциативно-вербальной сети весьма разнообразны. Еще один важный признак дома как семейного пристанища – это уют

В современном русском языковом сознании дом реально не связан с понятиями безопасности, неприступности и защищенности. Такие представления являются скорее желаемыми, чем действительными. Дом дарует русскому человеку только чувство психологической защищенности и покоя, возникающее в семье, рядом с близкими, но не реальной безопасности. Устойчиво представление о доме как убежище от непогоды, стихии, поэтому основным его признаком является крыша. Дом – это еще и постройка, здание, предназначенное для определенных целей, чаще всего для жилья.

Образ дома как здания в современном русском языковом сознании представлен по-разному. Так, по данным прямых словарей, чаще преобладает образ городского дома, каменного и многоэтажного, с соответствующими архитектурными приметами. Устойчивы ассоциации «городского» типа, когда **дом** ассоциируется прежде всего с квартирой, комнатой или, учитывая состав испытуемых, общежитием. Менее отчетливо в прямых словарях представлен образ сельского дома, чаще всего традиционной постройки, ветхого и неблагоустроенного. В обратные словари, напротив, преобладает образ именно сельского дома. Наиболее устойчивым является представление о деревенском доме, расположенном на окраине, на берегу или у дороги.

Второй слой ядра языкового сознания добавляет еще одну пространственную единицу – *город* 275. Анализ АП **деревня** и **село** показывают, что эти единицы языкового сознания содержательно стоят в одном ряду с **городом** и имеют взаимопересекающиеся АП.

По нашему мнению, более высокое количество входящих связей у слова *город* 275 (по сравнению с *деревня* 222 и *село* 52) в ядре современного русского языкового сознания может быть объяснено только внешними причинами: разрушением российской деревни и расправой с русским крестьянством в начале XX века и, как следствие, преобладанием городского населения в современной России. Город (=деревня, село) в русском языковом сознании представляет еще одну исконную разновидность «своего», обжитого и созданного для жизни пространства, в котором люди объединены территориально.

Дом как «малое» «свое» пространство противопоставлено миру как пространству «большому». В современном русском языковом сознании

присутствует образ мира как обширного «внешнего» пространства, сопоставимого с пространством всей планеты.

Таким образом, структура пространства в русском языковом сознании антропоцентрична. Пространство структурировано по отношению к человеку с точки зрения его «освоенности». Точкой отсчета является «дом», который объединяет семью в одном локусе, далее «город», объединяющий людей территориально, потом – «мир», охватывающий все остальное пространство, в том числе и пространство всей планеты (*Земля, планета*).

Подзона ДОРОГА включает два ключевых слова – *дорога, идти*, а также пространственные и временные характеристики движения – *быстро* и *далеко*. В АП **дорога** «постоянными» являются реакции с пространственно-временными значениями. Другим важным «постоянным» пространственным признаком дороги и пути, связанным с движением, является направление – *домой*.

В современном русском языковом сознании **путь** и **дорога** выступают практически как абсолютные синонимы. Протяженность дороги обозначается как пространственными (*дальняя, длинная*), так и временными признаками (*долгая*).

В АП **путь**, в отличие от **дороги**, стабильно фиксируются реакции с общим значением «трудный, требующий усилий, преодоления преград», хотя они и не относятся к числу ядерных. Подобные ассоциаты фиксируются и в АП **жизнь**. Таким образом, жизнь в русском языковом сознании – скорее путь, чем дорога, «идти по жизни» нелегко.

Нами выделены и рассмотрены некоторые частные семантические модели хронотопа, существующие в русском языковом сознании применительно к жизненному пути. Хронотопические модели могут выявляться разными способами, однако обязательным признается наличие устойчивой прямой ассоциативной связи между словами. В данном разделе предлагается методика установления таких моделей, которые могут служить основанием для сравнения ассоциативных полей, т.е. для анализа этнокультурного содержания образов сознания.

Хронотоп дома. Выделено пять основных моделей такой единицы ядра языкового сознания, как **ДОМ**:

1. **ДОМ – СЕМЬЯ;**
2. **ДОМ – ДЕРЕВНЯ;**
3. **ДОМ – ДАЧА;**
4. **ДОМ – КВАРТИРА;**
5. **ДОМ – РОДИНА.**

Перечень моделей не является исчерпывающим и может быть дополнен. Нами рассмотрены четыре модели, из которых, вторую и третью мы сочли возможным объединить и рассматривать совместно. Что касается модели **ДОМ – РОДИНА**, то ассоциативные представления о родине в языковом сознании современных русских идеологически «перегружены», что обращает на себя внимание при знакомстве с АП на соответствующий

стимул в разных ассоциативных словарях и затрудняет исследование, ориентированное на нашу проблематику.

В образе дома в русском языковом сознании, по нашим данным, совмещаются три представления: дом (здание, постройка), дом (жилище) и дом (родной, семья).

ДОМ – СЕМЬЯ. «Семейная» тема оказывается доминирующей в языковом сознании испытуемых. **Дом** прежде всего *родной*, в нем *семья* (*родители, мама*), это *очаг, родина*.

В ядре языкового сознания, по данным обратных словарей, преобладает образ именно сельского дома, совмещающего традиционные признаки родового гнезда и материального достатка большой семьи. Именно такой дом прочно запечатлевается в сознании человека с детства, с ним сохраняется тесная эмоциональная связь на протяжении всей жизни. Такие дома есть не только в деревнях и поселках, но и в малых городах, сохраняющих признаки «большой деревни».

Тесная связь семьи и дома обнаруживается при анализе АП **семья** в ассоциативных словарях, которые демонстрируют устойчивое единообразие содержательных представлений, которые стоят за стимулом **семья**. Как ассоциаты *дом* и *семья* фиксируются и взаимопересекаются в обоих в АП во всех словарях и практически с равными высокими частотными показателями. Собственное существование семьи начинается со своего дома.

Семья у нас была большая / нас семеро братьев и сестра // Поэтому когда жили в старом доме / народу в семье много / стало тесно / дети-то растут / и отец решил построить свой дом / отделиться от деда // Вот отец с матерью / после работы трудились / мы помогали по мере своих сил / и в начале шестидесятых переехали в свой дом // (RR0195P, г. Печора, запись 1995 г., мужчина, 47 лет)

С опорой на ассоциаты «постоянной» зоны и близкие к ним по частотным показателям можно сказать, что образ семьи мыслится испытуемыми как предельно личный, относящийся к себе – *моя*. О высокой ценности семьи свидетельствует оценочный компонент АП. Оценка семьи положительна и эмоциональна: *счастливая, хорошая, любимая; любовь, дружба, счастье, радость, добро; хорошо люблю*. Негативных реакций гораздо меньше, и все они относятся к периферии. Семья в представлении испытуемых *большая, дружная крепкая*. В то же время в АП **семья** нашли отражение современные процессы девальвации брака и роли этого института в создании семьи.

Преобладающим является представление о том, что семья создается на основе *брака*. В состав семьи входят два поколения: *дети* и *родители*, прежде всего *мама*. В русской национальной культуре женщина – прежде всего мать, статус материнского начала весьма высок. Это представление архетипично и определяет материнский характер православной женской святости. Вместе с тем можно признать, что доминирование матери среди родителей в языковом сознании испытуемых отражает и сложившееся положение, когда в значительной части современных семей дети воспитываются только матерью, без отца.

Семья – это *дом* (пространство). Как считают этнографы, семья выступает как «социальный эквивалент дома», а «дом» – не только топографический, но прежде всего символический (метонимический) заместитель семьи [Разумова 2001: 125]. Это точка отсчета жизни. Ребенок рождается в семье, это его социальное и культурное пространство, во многом определяющее его дальнейший жизненный путь.

Дети – ключевой элемент семьи, высшая ценность, без них семья не мыслится. Об этом свидетельствует высокий ранг этого ассоциата. В традиционной русской культуре бездетность считалась большим несчастьем и могла привести к распаду семьи. Были широко распространены альтернативные формы преодоления бездетности. В современной семье также обязательно должен быть ребенок, бездетный считается одиноким, несмотря на наличие других родственников.

Наш материал также подтверждает выводы, сделанные ранее по материалам САС, что основным типом семьи в современном языковом сознании русских является малая семья, состоящая из детей и родителей. На наш взгляд, применительно к русскому языковому сознанию эти выводы могут быть дополнены. Как и у других славянских народов, ассоциат *большая* имеет в АП **семья** очень высокий частотный показатель. Малая семья, состоящая из родителей и детей, может считаться «большой» именно и только за счет детей, их количества. В традиционной русской культуре женщина приобретала полноценный статус только после рождения второго ребенка. В недавнем прошлом многодетные семьи были нормой, а не исключением.

Очень большая (семья) многодетная / так сказать // Братьев четыре брата / кроме меня и две сестры / сестра старшая / брат старший / я уж / так сказать третьим иду / помладше сестра / остальные братья // (RR1095WS, г. Воркута, запись 1995 г., мужчина, 50 лет)

Представление о традиционной большой семье в русской культуре архаично, оно опирается на исконную практику существования большой крестьянской семьи, работающей на земле и живущей своим хозяйством. Воспоминания о таких семьях, об условиях их существования, о разрушении большой крестьянской семьи в результате раскулачивания и коллективизации сохранились в памяти представителей старшего поколения.

В современном русском языковом сознании большую семью образуют рассредоточившиеся в пространстве члены малой семьи, которые теперь сами обзавелись своими семьями и живут отдельно, поддерживая родственные связи и единство большой семьи.

Деток у меня трое // Две живут в Санкт-Петербурге в данный период / имеют свои семьи // Внуков у меня уже сколько? // Там значит три / четыре внука, одна правнучка / и одна внучка // Вот такая моя в данный период семья // Еще у меня есть брат и сестра из родни / племянников много // (RR0298S, г. Сыктывкар, запись 1998 г., женщина, 70 лет)

Центром большой семьи остается родительский дом («родовой дом»), в котором живет старшее поколение. Оно является хранителем традиций, культурного опыта и семейных ценностей. Пространственный центр семьи

(дом) является таковым, пока существует эмоциональная связь между ее членами, разделенными пространством и временем.

Семья у нас дружная / до сих пор любим друг друга // Очень любим встречаться / чаще всего мы встречаемся там / где живет наша мама // Отмечаем семейные праздники // (RR0395U, г. Ухта, запись 1995 г., женщина, 38 лет)

Таким образом, в языковом сознании русских сохраняется идеальные образы: социальный архетип большой полной и счастливой семьи и большого дома, совмещающего традиционные признаки родового гнезда и материального достатка. Реалии современной жизни видоизменяют эти представления, но не разрушают их.

ДОМ – ДЕРЕВНЯ – ДАЧА. АП **деревня** обнаруживает пересечения с АП **дом**, которые устойчиво фиксируются как прямыми, так и обратными ассоциативными словарями.

В АП **деревня** «семейный» компонент также оказывается весьма значимым. Однако в АП **деревня** представлена семейная связь по вертикали, а в обратных словарях эта связь одна из самых устойчивых: *бабушка ← деревня*.

В детстве я обычно / меня мама отправляла к бабушке в деревню / это находится на Украине / в Донецкой области / ну / на Донбассе // У бабушки было большое хозяйство / огромный такой сад / много было земли / на которой она там / сажала картошку / так далее / много было всякой живности // (RR1096I, г. Инта, запись 1996 г., женщина, 22 года).

Периодические посещения старших родственников в их доме – главная форма единения рода [Разумова 2001: 126]. Старший член семьи объединяет родственников в пространстве родного дома и родной деревни, оказывается связующим звеном между всеми членами большой семьи, разными поколениями.

В общем-то у нас семья очень большая / и дружная // И мы часто ездим в деревню к бабушке / она летом живет в деревне // Мы туда ездим каждый год // Все внуки / все правнуки / наши мамы / наши тети // И по возможности проводим там / все три месяца // Естественно не просто так / помогаем // Окучиваем картошку / собираем ее / помогаем на сенокосе // В общем-то там дел много // Всем работа найдется // (RR0595S, г. Сыктывкар, запись 1995 г. женщина, 20 лет)

Деревня ценится за близость к природе, покой и свежий воздух. Об этом говорят ассоциаты *природа, лес*. **Деревня** для испытуемых связана с *летом* и *отдыхом*, а неперемный атрибут деревни *корова* никак не соотносится с каким-то трудом.

Лето, отдых, природа, лес – такие компоненты АП **деревня** обнаруживают пересечения с АП **дача**.

Дача – это прежде всего *дом, домик, загородный дом*, этот ассоциат очень устойчив и подразумевает дом (постройка), отдельный домик на дачном участке. Дача расположена *за городом*.

Материалы КРАС рисуют достаточно выразительный образ типичного для севера дачного участка, на котором стоит *дом, баня*, есть *огород с грядками*, растет *картошка*. На огороде надо работать, а еще на даче отдыхают летом. Дача расположена за городом или в деревне. Она выступает как реализация социального архетипа, символ своего места на земле.

Так же, как и деревня, дача связывает членов семьи, соединяет на небольшом пространстве совместной работой, отдыхом, праздничными семейными ритуалами. Отдельная постройка на дачном участке становится аналогом дома родного, семейного пространства.

Особым феноменом является дача в деревне. Эти связи и пересечения ассоциативных полей в КРАС выражены наиболее отчетливо: **дача – деревня 11; деревня – дача 2.**

Есть у нас дача / про которую я не говорила, это в селе Гарья / прямо около оврага / прекрасная природа / возле речки / недалеко и речка у нас // И дом у нас / конечно еще хороший / мы ее подошву меняли / как называется / поднимали // У нас большая печка / маленькая печка / там можно действительно отдохнуть // И природа соответствует / и воздух там не то / что в городе конечно // (RR1402S, г. Сыктывкар, запись 2002 г., женщина, 48 лет)

Дача в деревне является символом родины, временного возвращения к крестьянскому быту, выступая как способ сохранения своей культурной идентичности. Бывшие крестьянские дети таким образом восстанавливают свою связь с родиной, с бытом своего детства.

Деревня выступает как символ исконного семейного пространства, большинство информантов и их предков оттуда родом. На материале текстов можно увидеть, как хронотоп семьи совмещается с хронотопом деревни, затем происходит их расхождение. Сначала старшие родственники живут полгода – в деревне, полгода – в городе. Они продолжают заниматься крестьянским трудом, существовать без которого не могут, обеспечивают продовольствием свои семьи. Так они поддерживают связь поколений, не давая умереть родному дому, хоть на время собирая семью в исконном пространстве, где жили многие поколения предков.

Потом, после смерти родителей, бабушек, дедушек родной дом окончательно становится дачей. **Деревня глухая, старая, забытая, заброшенная**, вымирающая, в которой остались одни старики, превращается в место отдыха для потомков крестьян, которые в давние времена создали эту деревню, веками трудились на этой земле и уходили в нее же.

У нас родители / в нашем родном селе купили дом // У нас там дом / ну / как дача // Как только выходные / родители / ну папа уже умер / а мама уезжает раньше с детьми // Как только дети освобождаются в школе / а я когда выхожу в отпуск / уезжаю на весь отпуск туда // (RR1799S, г. Сыктывкар, запись 1999 г. женщина, 39 лет).

Покинутый родительский дом в родном селе, дом в котором уже никто не живет и не трудится, потомки продолжают использовать, но уже как дачу. Это тоже способ поддерживать связь поколений, выполняя функцию своеобразного мемориала. Можно приезжать на участок в дачном кооперативе, где построен домик, банька, разбит огород. Можно – в родное село, в родительский дом. Детей привезти, отдохнуть, баньку затопить.

А так, меня тянет в деревню // В этом году ездили в деревню с дочкой / с внучкой / с сыном // В деревне / благодать // Свой дом / родительский / отцовский // Печку затопишь / баню топили по-черному / мылись // Чего люди там / пенсионеры в основном сейчас живут там // (RR0798P, г. Печора, запись 1998 г. женщина, 66 лет)

Есть еще один способ возвращения. Связь **ДОМ – ДЕРЕВНЯ – ДАЧА** существует еще и потому, что под конец жизни человека тянет обратно в

село, к земле. Не только из-за маленькой пенсии, а потому что тянет в родной дом, потому что культурная модель, заложенная в нем с детства, в крестьянской семье, никуда не исчезла. Вырастив детей, уйдя с работы, человек пытается вернуться к своим корням, на тот (или такой же) клочок земли, где он делал первые шаги, говорил первые слова, учился косить траву, пасти скотину. Он пытается не только вернуть это себе, замыкая свой жизненный круг, но и вернуть таким образом этот клочок земли своим детям, внукам, самому соединить распавшуюся связь времен. Он хочет жить, как в детстве и юности, вернувшись к земле, крестьянскому труду:

- *Быть бы помоложе / годков на двадцать, да? // (Слышен смех)*
 - *Да / хотя б // В сельскую местность бы сейчас / хозяйством обзавестись //*
 - *Козами //*
 - *Но коз / это ерунда / надо бы усадьбу / огород / домик / хотя бы соток пятьдесят //*
 - *Ну зачем так? //*
 - *Поросенка надо? // Надо //*
 - *Ну поросенка / да козу //*
 - *Козу нужно / овечку / нужно // Да ну кур нужно / ну уток // Там если в нашем селе жить / там у нас пруд / кругом лес //*
- (RR0697P, г. Печора, запись 1997г. в форме диалога: мужчина, 66 лет, женщина, 67 лет)

Однако для молодого поколения такое возвращение уже невозможно. Дача в деревне остается местом отдыха на природе и выращивания понемножку для себя ягод и овощей. Существующая рядом деревенская жизнь представляется чужой и непривлекательной, *деревня – глухой, заброшенной, захолустной, захудалой, забитой, нищей, покинутой.*

И все же этнокультурная модель остается в сознании живой. Когда-нибудь она может проявить себя, например, в виде мечты.

А еще вот у меня есть такая можно сказать мечта / есть даже реклама такая / купить себе домик в деревне / ну не купить / хотя бы построить // дача есть / ну дача эта для детей останется / да на ней работаешь / можно сказать для себя / ну чтоб детям что-то осталось // а для себя просто хочется домик в деревне // и потом в наше время / когда уже будешь со своей жить там / чтобы дети наши привозили внуков туда / чтобы мы их там нянчили // просто-напросто прожить счастливо // (RR0101S, г. Сыктывкар, запись 2001 г., мужчина, 32 года)

ДОМ – КВАРТИРА. Мы выделили те характеристики модели **ДОМ – КВАРТИРА**, которые связывают ее с жизнью человека и позволяют рассматривать как пространство, имеющее особое значение в построении его жизненного пути.

Если сравнить АП **дом** и **квартира**, то заметно, что при сходстве дистрибуции ассоциатов, квартира для испытуемых – это прежде всего жилое помещение, жилплощадь. Представления о ней конкретны, утилитарны и носят «интерьерно-строительный» характер. Эмоционального отношения к квартире не наблюдается. Дом может быть *родным*, а квартира – нет. Ассоциаты с притяжательным значением в АП **дом** и **квартира** имеют различное содержательное наполнение. Дом – *мой*, потому что *родной*, там *семья, родители*, это *очаг*. Квартира – *моя, своя*, потому что это *жилье* (мое,

«освоенное» и «присвоенное» пространство) и потому что *собственность 6* (КРАС). Важнейшим атрибутом квартиры являются *ключи*, обеспечивающие неприкосновенность этого пространства и защиту от несанкционированного доступа. Текстовый материал подтверждает эти наблюдения.

Таким образом, **КВАРТИРА** как единица языкового сознания не обладает семантической емкостью **ДОМА**. Содержательно квартира представляет собой конкретную, узко-пространственную ипостась дома как «своего» пространства, в котором протекает жизнь семьи и человека как члена семьи. Наличие такого отдельного пространства мыслится как необходимое условие существования малой семьи и ее благополучного развития. На первых порах эквивалентом может выступать комната в общежитии, в коммунальной или родительской квартире.

Эмоционального и ценностного отношения к квартире не наблюдается. Поэтому квартиры легко меняют. Если ее размер недостаточен для семьи или не устраивает качество квартиры, без сожаления переезжают на другую.

Квартира сливается с домом и приобретает его качества при определенных условиях, когда в этом пространстве происходят значимые для жизни семьи события, и оно «одухотворяется», приобретая смысл «дома».

Хронотоп возраста. Рассуждать о хронотопических характеристиках возраста сложнее, поскольку в возрасте превалирует время. Время нельзя увидеть, потрогать, представить его можно только через пространство. В ядре языкового сознания существующие представления о возрасте распределяется между зонами **ЧЕЛОВЕК**, **ЖИЗНЬ** и **ВРЕМЯ**. При исследовании этих представлений проблемой является выбор единиц наблюдения.

Возраст является временной характеристикой онтогенетического развития, которое происходит в течение всей жизни человека. Именно возрастом определяются главные вехи жизненного пути: поступление в школу, призыв в армию, создание семьи, рождение детей, уход на пенсию. Таким образом, возрастные этапы становятся главным мерилем жизненного пути.

Возраст – это не только биологическое, но социальное и культурное явление. Любая периодизация жизненного цикла ценностно-нормативна. Нормативными являются все возрастные категории, включая понятия «детства», «юности», «взрослости» и т. д. Переживания, связанные с возрастом, глубоко пронизывают эмоциональную сферу человека, наименования человека по возрасту входят в ядро языкового сознания.

На сегодняшний день не существует единой общепринятой классификации возрастных периодов развития человека, хотя в разное время предпринимались многочисленные попытки создания возрастной классификации, однако все они имеют сугубо научный характер, приспособленный к исследовательским задачам психологии развития. Названия выделяемых периодов имеют терминологическое значение, а сами периоды – внутреннюю периодизацию (*младенчество – дошкольное*

детство; ранняя зрелость – средняя зрелость – поздняя зрелость и под.)

Если сравнить научную возрастную периодизацию с теми обозначениями возрастных периодов, которые существуют в русском языковом сознании, обращает на себя внимание отсутствие обобщающего общепринятого (как *детство* или *старость*) обозначения взрослого, самого важного этапа жизненного пути человека, когда реализуется его основная жизненная программа. Слова *зрелость* и *взрослость* выступают именно как научные термины.

В обыденном сознании общая возрастная периодизация по данным языка выглядит следующим образом: *детство – юность – молодость – ... – старость*. При этом *юность* и *молодость* в ассоциативных словарях выступают как синонимы, о чем свидетельствуют соответствующие АП. Периферийными наименованиями можно считать *отрочество, младенчество, зрелость, дряхлость*. В целом, возрастная периодизация в русском языке оказывается дробной, но ряд возрастных периодов в языковом сознании не актуализирован.

В целом в АП **возраст** преобладают ассоциаты, связанные с обозначением периодов жизни человека, относящихся к старости и зрелости. Иными словами, о возрасте можно задумываться, когда он есть, когда за плечами значимое количество прожитых лет и определенный жизненный опыт.

В целом, представление о возрасте в русском языковом сознании, по данным ассоциативных словарей, двоично и выглядит как противопоставление: *старость : детство*. Возраст измеряется количеством прожитых лет. Либо этих лет мало, и тогда можно говорить о маленьком или детском возрасте. Либо этих лет набирается достаточное количество, и тогда можно говорить о старости или зрелости, которые для испытуемых равно близки по количеству прожитых лет – их много. Возможно, такое сближение объясняется их собственным возрастом, с позиций которого они смотрят на продолжительность жизни и ее периодизацию.

При сравнении АП **детство** и **старость** обращает на себя внимание их содержательная противопоставленность. Старость для испытуемых – понятие далекое, отсюда обилие фонетических и стереотипных реакций в ядерной зоне: *не радость, не в радость, радость, на радость*. Но в целом образ старости непривлекателен. Старость связана с болезнью, немощью и смертью. Этот период жизни неизбежен, он принадлежит будущему и обязательно настанет. В АП преобладают отрицательные характеристики старости, заключительная фаза жизни связана с бедностью, одиночеством и скукой, вызывает отторжение: *беда, необеспеченная, не хочу, одинокая, одиночество, скука, тяготит*. «Семейный» ассоциат единичный (других социальных ролей нет) – *бабушка*. Пространственная сфера замкнута – *дом*. Положительно маркированные ассоциаты немногочисленны и периферийны: *мудрость, уважение*.

Теперь я сама такая старенькая // Мне уже теперь семьдесят пять // На пенсии сижу дома // Одна // Дети не забывают меня / слава Богу / навещают // Больная уже // Перенесла инфаркт // С семьдесят второго по девяносто девятый / работала в колледже культуры костюмершей // То, что надо / и то не надо / все делала безотказно // Заболела / пришлось уволиться / так бы работала еще // Дома скучно одной // (RR1000S, г. Сыктывкар, запись 2000 г., женщина, 75 лет)

Детство по сравнению со старостью представляется счастливым периодом жизни. Важным признаком этого возрастного периода представляется отсутствие забот и жизненных проблем, которые нужно решать. Русское сознание ассоциативно связывает детство с беззаботностью, проводя условную грань между взрослой жизнью, полной забот, и беззаботным детством.

В текстовом материале трудности детства связываются главным образом с внешними обстоятельствами исторического времени, в которых детство протекало и условиями жизни. Это война и голодное послевоенное время, репрессии, через которые приходится пройти семье, раннее привлечение к тяжелому труду в деревне. На временной шкале детство относится к прошлому

Важнейшей характеристикой детства являются воспоминания о нем, ассоциаты со значением памяти фиксируются в обоих словарях. «Первые воспоминания» детства актуализируются по типу «яркого» воспоминания. Воспоминания включают в себя сенсомоторное содержание и предельно визуализированы. Могут включать компонент осмысления и личностной оценки.

Первое воспоминание с детства / сижу я на этой Каме / в воде по грудь / и никого вокруг меня нет // А братья мои / который один старше на восемь лет / а второй на десять / неизвестно где / с ребятами плавают // И до сих пор удивляюсь / какая я была тогда умная / что все-таки не утонула // Хоть и сидела совсем одна // (RRO195S, г. Сыктывкар, запись 1995г., женщина, 56 лет)

По данным ассоциативных словарей, пространство детства связано прежде всего с такими единицами, как *двор, школа, детский сад, деревня*. Детство проходит в кругу семьи (*бабушка, мама, родители, папа, семья*). Атрибутика детства включает в себя множество предметов: *качели, мороженое, солнце, игрушки, куклы, воздушный шарик, песочница, скакалка, бантик, бассейн, большая кукла, велосипед, карусель, конфеты, мандарины, машинки, молоко, мяч, обруч, пеленки, песок, санки, сладкое, шарик*.

В таких предметах материализуется время. Материальными приметами могут быть любые предметы, если они вовлекаются в сферу индивидуальной человеческой жизни и рассматриваются неотрывно от ее событийного контекста, выступая как «аккумулятор памяти», наглядное свидетельство прошедших этапов индивидуальной жизненной истории.

Пространственно-временные дейктические модели. Подход к исследованию жизненного хронотопа со стороны пространственно-временного дейксиса имеет свою специфику. Дейктические указатели создают своеобразный «каркас», систему пространственно-временных координат, в которой объективируется исследуемый фрагмент образа мира, и

способ его интерпретации. Частные модели выделяются внутри этого «каркаса» и отражают особенности коммуникативной ситуации и актуализируемые в ней отношения.

Важными, но далеко не единственными способами выражения пространственно-временного дейксиса в русском языке являются наречия **сейчас, теперь, тогда, там, здесь, тут**.

С учетом данных прямых и обратных ассоциативных словарей, большинство исследуемых лексем в структуре АП обнаруживает четкую пространственно-временную (хронотопическую) координацию (для **там** и **тут** только пространственную): **здесь – там – тут – сейчас – теперь; теперь – сейчас – здесь – тогда; сейчас – теперь – здесь – сейчас; тогда – сейчас – теперь – там; там – здесь – тут; тут – здесь – там**.

В обобщенном виде хронотопические модели, по данным РАС, могут быть представлены следующим образом:

1. трехчленные:
 - с преобладающим временным компонентом: **теперь/сейчас – здесь – тогда; тогда – сейчас/теперь – там;**
 - с преобладающим пространственным компонентом: **здесь/тут – там – сейчас/теперь;**
2. двучленные:
 - пространственная, представленная вариантами **тут/здесь – там** и **там – здесь/тут;**
 - пространственно-временная (дейксис настоящего): **сейчас/теперь – здесь**.

Эти модели следует признать актуальными для русского языкового сознания на момент обследования и для данной группы испытуемых.

Пространственно-временной дейксис реализуется в текстах прежде всего как дейксис биографический, дейксис жизненного пути. Выражаемый с помощью исследуемых единиц, этот дейксис используется для противопоставления «прошлого» и «настоящего», вписанного в соответствующие координаты конкретной человеческой жизни. Оппозиция, выражаемая с помощью хронотопических моделей **там-тогда : здесь-сейчас**, получает конкретное содержательное наполнение в тексте. В соответствии с целевыми установками речевого высказывания происходит актуализация ассоциативных связей, релевантных для данного вида текста. Организация смысловых отношений, связанных с оппозицией «прошлое – настоящее» осуществляется по принципу контраста, обусловленное оценочностью высказывания. В рамках смыслового синтагматического контекста происходит явная или имплицитная конкретизация значения.

Здесь (тут) обозначает конкретные виды «освоенного» пространства, связанного с деятельностью: жилье, место работы, учебы, деревню, город, регион.

Там – это также «свое», но оставленное в прошлом пространство: родные места, где рассказчик родился и провел детство, учился, начинал работать, мест, где происходили поворотные события в жизни.

Широкий план настоящего времени обозначается с помощью **теперь** и **сейчас**. Настоящее время, не является непротяженным и обычно охватывает несколько ближайших предшествующих лет жизни вплоть до момента речи и связанные с ними события личной, семейной и социальной истории.

Тогда – это прошлое, в языковом сознании именно эта связь оказывается самой устойчивой. В исследуемых текстах тема прошлого конкретизируется. **Тогда** используется для обозначения определенных возрастных периодов (детство, юность) или значимых периодов жизненного старта. Хронологическая ориентация чаще проводится не по календарному времени, а по значимым личным и семейным событиям, возрасту членов семьи.

Доминирующей хронотопической моделью является дейксис прошлого **там – тогда**. Идеальным миром прошлого являются детство, родные места. Если перебрасывается «мостик к настоящему», то следует оценка, чаще негативная: «*Сейчас-то уж не то*». Продуктивными моделями являются трехчленные, содержащие доминирующий временной (**сейчас – тогда – там** или **здесь – сейчас – тогда**) компонент, когда рассказчик-информант из определенной пространственной точки (**здесь** или **там**) перебрасывает мостик между прошлым и настоящим (**сейчас – тогда**).

Представленные модели являются преобладающими, но не исчерпывают всех способов пространственно-временного представления оппозиции прошлого и настоящего человеческой жизни.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования и делаются обобщающие выводы.

По теме диссертации опубликованы 33 научные работы и одна монография. Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

1. Сергиева, Н.С. Время в автобиографическом дискурсе / Н.С. Сергиева // Власть. Судьба. Интерпретация культурных кодов / Под ред. В.Ю. Михайлина. – Саратов: Изд-во СГУ, 2003. – С. 262-298.

2. Сергиева, Н.С. Время жизни: способы представления в автобиографическом дискурсе / Н.С. Сергиева // Материалы XXXII Международной филологич. конф. – Вып. 18. Язык и ментальность. 11-15 марта 2003 г. / Отв. ред. В.В. Колесов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – С. 51-55.

3. Сергиева, Н.С. Темпоральный аспект жизненного пути: способы речевого кодирования / Н.С. Сергиева // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации Тезисы докладов. Москва, 29-30 мая 2003 г. / Ред. Е.Ф. Тарасов. – М., 2003. – С. 244-245.

4. Сергиева, Н.С. Темпоральные маркеры в автобиографическом дискурсе / Н.С. Сергиева // Актуальные проблемы современной филологии.

Языкознание: сб. статей по мат-лам научно-практ. конф. – Ч. 1. – Киров: ВятГГУ, 2003. – С.164-170.

5. Сергиева, Н.С. Жизненный мир человека в языке и дискурсе / Н.С. Сергиева // XXXIII междунар. филол. конф. Вып.18. Русский язык и ментальность. – Ч.1. – СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2004. – С. 54-57.

6. Сергиева, Н.С. Пространственно-временной дейксис в русском языковом сознании / Н.С. Сергиева // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 года): Труды и материалы. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – С. 242-243.

7. Сергиева, Н.С. Способы вербальной репрезентации жизненного мира в автобиографическом дискурсе / Н.С. Сергиева // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы. – М.; Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 413.

8. Сергиева, Н.С. Психолингвистическая характеристика пространственно-временных наречий в русском языке / Н.С. Сергиева // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. тр. – Киров, 2004. – С. 134-138.

9. Сергиева, Н.С. Пространственно-временные модели в тексте / Н.С. Сергиева // Актуальные проблемы современной филологии. К юбилею Александра Грина. Языкознание: сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2005. – С.178-182.

10. Сергиева, Н.С. Пространственно-временной дейксис в психолингвистическом аспекте / Н.С. Сергиева // Языковое сознание и межкультурная коммуникация. Вестник МГЛУ. Сер. Филология. – 2004. – С. 87-94.

11. Сергиева, Н.С. Отражение пространственно-временных моделей в русском языковом сознании / Н.С. Сергиева // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы докл. III Междунар. науч. конф. Под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7-9 апреля 2005 г.: В 3 ч. – Ч. 2. – Мн.: МГЛУ, 2005. – С. 76-77.

12. Сергиева, Н.С. Слово как фрагмент образа мира в русском языковом сознании / Н.С. Сергиева // Welt im der Sprache / Hrsg. Von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. – S. 395-400. – (Reihe “Ethnohermeneutick und Ethnorhetorik”. Bd. 11. Herausgeber der Reihe: H.Bartel, E.A. Pimenov).

13. Сергиева, Н.С. Идея хронотопа и структура русского языкового сознания / Н.С. Сергиева // Язык. Сознание. Культура. Сборник статей / Под

ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.;Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2005. – С. 246-256.

14. Сергиева, Н.С. Идея хронотопа и структура русского языкового сознания / Н.С. Сергиева // Язык. Сознание. Культура. [Электронный ресурс]: Сборник материалов семинара по проблемам языкового сознания. - М., 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

15. *Сергиева, Н.С. Семантический гештальт и ядро языкового сознания русских / Н.С. Сергиева // Вестник ЮУрГУ. – 2006. - 2(57). – Серия "Социально-гуманитарные науки". – Вып. 5. – С. 160-165.*

16. Сергиева, Н.С. Возрастная лексика в ядре русского языкового сознания / Н.С. Сергиева // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. / Редактор Е.П. Тарасов. – Калуга: ЧП Кошелев (Изд-во «Эйдос»), 2006. – С.265-266.

17. *Сергиева, Н.С. Ядро языкового сознания и его ключевые единицы / Н.С. Сергиева // Вестник МГЛУ. – Вып. 525. Языковое содержание как образ мира. – Серия «Лингвистика». – М., 2006. – С.168-184.*

18. Сергиева, Н.С. ДЕНЬ как часть представлений о времени в русском языковом сознании / Н.С. Сергиева // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития. Тезисы докладов XVII Международной научно-практической конференции. – Минск: БГМУ, 2007. – С.24-26.

19. *Сергиева, Н.С. Культурные модели жизненного пространства в русском языковом сознании: дом – семья / Н.С. Сергиева // Вестник МГЛУ. Вып. 548. Язык. Культура. Текст. Серия Лингвистика. – М, 2007. – С. 213-221.*

20. Сергиева, Н.С. Культурные модели пространства в языковом сознании русских: дом – деревня – дача / Н.С. Сергиева // Языковое сознание: парадигмы исследования. Сборник статей / Под ред Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. - М. – Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. – С. 96-108.

21. Сергиева, Н.С. «Человек» как единица ядра языкового сознания / Н.С. Сергиева // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 73-81.

22. Сергиева, Н.С. Ядро языкового сознания русских и пути его исследования: семантический гештальт // Семиозис и культура. Выпуск 3. Сборник научных статей. – Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2007. – С. 285-291.

23. *Сергиева, Н.С. Ключевые единицы русского языкового сознания и их инокультурное восприятие / Н.С. Сергиева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2008 – № 4. – С. 37-43.*

24. *Сергиева, Н.С. Представления о времени в ядре русского языкового сознания / Н.С. Сергиева // Вестник Челябинского государственного*

университета. - *Филология. Искусствоведение.* – Вып. 19. – № 9 (110) – 2008. – С. 125-133.

25. Сергиева, Н.С. Пространство жизни в ядре русского языкового сознания / Н.С. Сергиева // *Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник.* Вып. 24./ Отв. ред С.Е. Родионова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С. 121-132.

26. *Сергиева, Н.С. Ядро языкового сознания: содержание и структура / Н.С. Сергиева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: Научный журнал.* – № 3(2) – Киров, 2008. – С. 19-22.

27. Сергиева, Н.С. Этническое языковое сознание и межкультурная коммуникация / Н.С. Сергиева // *Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания [Электронный ресурс]: Материалы 4-й международной конференции РКА «Коммуникация-2008».*– М., 2008. – С. 430-431. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

28. Сергиева, Н.С. Этнокультурная специфика образов сознания / Н.С. Сергиева // *I Международная научно-методическая конференция «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы»:* Сб. статей. Москва, РУДН, 1-4 ноября 2008 г. – М.: РУДН, 2008. – С. 671-675.

29. Сергиева, Н.С. Жизнь как путь-дорога в языковом сознании русских / Н.С. Сергиева // *Образ России извне и изнутри: Сборник статей / Под ред Е.Ф. Тарасова (отв. ред.), Н.В. Уфимцевой, Е.А. Аршавской.* – Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2008. – С. 182-187.

30. Сергиева, Н.С. Образ семьи в языковом сознании русских / Н.С. Сергиева // *Семантика. Функционирование. Текст: Межвузовский сборник научных трудов. Памяти В.И. Чернова (к 75-летию со дня рождения)* – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – С. 33-38.

31. Сергиева, Н.С. О диахроническом подходе в этнопсихолингвистических исследованиях / Н.С. Сергиева // *Слово и текст: история, культура, личность: Сб. научн. трудов памяти Л.Я. Петровой.* – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. – С. 185-189.

32. *Сергиева, Н.С. Исследование языкового сознания: этнопсихолингвистика / Н.С. Сергиева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: Научный журнал.* – № 3(1) – Киров, 2009. – С. 121-124.

33. Сергиева, Н.С. Этнопсихолингвистический подход к анализу образов сознания/ Н.С. Сергиева // *Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов.* Москва, 15-17 июня 2009 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред), О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Н.В. Уфимцева. – М.: Издательство «Эйдос», 2009. – С. 242-243.

34. Сергиева, Н.С. Пространство и время жизненного пути в русском языковом сознании: Монография / Н.С. Сергиева. – СПб.: Наука, 2009. – 316 с.